Человек из дома напротив

Автор:
Елена Михалкова

Человек из дома напротив

Елена Ивановна Михалкова

Новый настоящий детектив Елены МихалковойРасследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина #25

Тебе некуда идти? Выбери дом, в котором никто не живет. У тебя нет денег? Поселись в нем, притворившись хозяином. Тебе недостаточно страшно? Найди ключ от запертого подвала. Хочешь пожалеть о том дне, когда все началось? ОТКРОЙ ДВЕРЬ.

Елена Ивановна Михалкова

Человек из дома напротив

© Михалкова Е., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Никита Сафонов

1

Я знаю, с чего все началось. Камера наезжает, камера берет крупный план: ключ в руке, замочная скважина. Темный дверной проем. Изнутри тянет холодом. Все дома, где давно никто не жил, пахнут одинаково.

Вот он, поворотный момент моей биографии: первое октября.

В этот день я нарушил закон. Две спортивные сумки и офисное кресло – с этими пожитками я переехал в коттедж. Больше у меня ничего не было.

Сильнее всего я цеплялся за кресло, хотя, видит Бог, в новом доме хватало стульев и диванов. С первого октября я стал королем, владения мои были необъятны – триста квадратных метров полезной площади! Но я перевез туда свой потертый трон, символ не совсем утерянной власти над самим собой, мое транспортное средство в светлое будущее – на четырех колесиках, из которых одно постоянно заедало. Человека, у которого есть офисное кресло, нельзя назвать совсем уж пропащим.

Сколько дней назад это случилось? Хотелось бы мне знать! Я сижу на полу в незнакомой комнате, на картонке передо мной миска с водой. Рук не чувствую: кажется, связаны. Единственное окно небрежно заклеено малярным скотчем, сверху сквозь узкую полосу пробивается свет.

За дверью кто-то ходит. Я жду, когда она распахнется, и в то же время панически этого боюсь. Кого я увижу?

Десять минут назад я пытался позвать на помощь, но сумел издать только жалкий писк: «Мама!» – как ребенок, испуганный ночным кошмаром, но знающий, что мать в соседней комнате: она придет, успокоит его и прогонит черных тварей, гнездящихся под кроватью.

Мама давно умерла. Я здесь один, перед железной миской, в которой отражается мое перекошенное лицо. Нет, все началось не первого октября. Раньше.

2

Из съемной квартиры меня выставили. На лестничной клетке, где я притулился, возник откуда-то черный кот с круглой сытой рожей и запрыгнул на подоконник. Так мы и сидели: домашний кот и бездомный я. Будущее представлялось мне заброшенным тоннелем метро, по которому я бреду, пока других пассажиров уносит в выбранном направлении поезд с кондиционером и бесплатным вай-фаем. Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – «Начало Семейной Жизни». За ней «Ипотека» – проскочить бы ее побыстрей! – и «Карьерный Рост» (платформа справа).

А у меня ржавые рельсы и полная неизвестность впереди.

Я погладил кота. И вдруг из темноты мне навстречу выступил в ореоле слабого света Илья Евгеньевич Рытвин.

Рытвин появился в моей жизни чуть меньше года назад. Один из тех людей, которые везде и со всеми ведут себя как со старинными приятелями; эта манера заставляла меня чувствовать себя не в своей тарелке. Он переезжал во Францию, а свой дом в Подмосковье хотел сдать на длительный срок. Ему посоветовали меня – вот и вся история.

Он не назвал рекомендателя. Но я был так счастлив внезапно свалившейся работе, что не стал допытываться. Рытвин вручил мне необходимые документы и отбыл, сообщив напоследок, что не собирается меня контролировать.

Вскоре стало ясно, что радоваться нечему. Двадцать километров от кольцевой; коттеджный поселок; большой одноэтажный дом. Вокруг – ничего. Ни озер, ни леса, ни захудалой речушки: бескрайнее голое поле, а на нем жмутся друг к другу дома, как испуганные дети. Очень странное место! Впрочем, за два года я насмотрелся на странные места, которые люди выбирали себе для жизни.

Но рытвинский дом никому не подходил.

Спустя полгода я мог лишь молиться о том, чтобы пришел дурак с деньгами, которого соблазнили бы двадцатиметровая кухня, три санузла и утепленная мансарда.

Что ж! Мое желание сбылось, хоть и в несколько извращенной форме.

Здравствуйте. Меня зовут Никита Сафонов, я дурак без денег. И я тот человек, который поселился в доме Рытвина.

В чужом доме.

На двадцатиметровой кухне я заваривал «Доширак». Санузлами пользовался поочередно, назначив утренний, дневной и вечерний. Протирал влажной тряпкой единственную полюбившуюся мне вещь, реликтовое чудовище: огромный дисковый ретротелефон, на вид годов эдак двадцатых, с тяжелой трубкой, напоминавшей шланг для душа, и буквами от А до Л во внутреннем круге. В подвал не спускался до того самого дня, когда…

Но об этом позже.

Утром я пешком шел до станции. Автобус вез меня по пробкам в Москву. Я глазел на желтеющие деревья, на девушек в ярких куртках и размышлял о том, что для неудачника я не так уж плохо устроился. Какая-нибудь работенка да подвернется. Мне требуется не так уж много: перезимовать, подкопить денег и вернуться к нормальной жизни.

Последний год слился в нескончаемый день дохлого сурка. А здесь я наконец-то ожил.

Соседям я хотел представиться сторожем, однако никто не проявил ко мне интереса. Единственный, кто заглядывал в гости, – чей-то полосатый котяра, наглый и ласковый. Он готов был продать восемь жизней из девяти за быстрорастворимую лапшу, и время от времени я угощал его. В благодарность он оставлял на крыльце задушенных мышей.

Если утром ты находишь на перилах бездыханного грызуна, не торопись возмущаться. Подумай о том, что кто-то заботится о тебе.

Лишь одно беспокоило меня – человек из дома напротив.

Двухэтажный дом белел за кованой оградой, вблизи от дороги. Возвращаясь из города, краем глаза я замечал, как кто-то перемещается по первому этажу, явно следуя за мной. Силуэт возникал в одном окне, в другом, в третьем… Я

чувствовал на себе внимательный взгляд. Однажды я резко обернулся, и обитатель коттеджа исчез. Он не особенно таился, но и не желал, чтобы я рассмотрел его.

Когда это повторилось на седьмой день, я свернул с дорожки, перемахнул через невысокое ограждение и позвонил в дверь. Мне показалось, внутри слышны приглушенные шаги. Но никто не открыл.

Вечером десятого октября я бессмысленно бродил по комнатам и вдруг решил спуститься в подвал. Зачем? Не могу сказать наверняка. Меня взволновала случайная встреча с давним знакомым, которого я считал умершим, а потом я заскучал и от скуки решил осмотреть свое временное пристанище.

Подвальное помещение оказалось закрыто. Я растерялся. Стоя на освещенной лестнице с бесполезным тяжелым фонарем в руке, я зачем-то постучал по двери и прислушался, словно мне могли ответить изнутри.

Для чего запирать подвал?

Долю секунды я колебался, не повернуться ли мне и не уйти, выкинув из головы железную дверь и то, что за ней скрыто. Поступи я так, моя жизнь сложилась бы иначе, и я не сидел бы сейчас на холодном полу перед миской с водой. Но любопытство пересилило. Я поднялся наверх, обыскал холл и в глубине выдвижного ящика нашел ключ.

Отперев дверь, я постоял, собираясь с духом, и толкнул ее, стараясь казаться уверенным неизвестно перед кем. Студия для съемок порнографических фильмов? Коллекция оружия? Склад героина? Труп? Я принюхался. Пахло только пылью и чем-то химическим, очень знакомым. Я обругал себя идиотом, сообразив, что ни один человек в своем уме не станет сдавать дом с трупом в подвале, разве что у него на редкость специфическое чувство юмора.

Я включил свет и вошел.

Сказать, что я изумился, – значит ничего не сказать. Кюветы, фотоувеличитель в углу – совершенно такой, как был у меня, когда в юности я увлекался фотографией и сам печатал снимки; бутылки с реактивами, воронки и мензурки; наконец, светильник с красным фонарем… Я оказался в любительской фотолаборатории.

Но не оборудование поразило меня, а глянцевые листы, приколотые к пробковой доске над столом.

Это были репортажные снимки. Четыре снимка, сделанные не меньше десяти лет назад. Я так уверенно определяю срок, потому что с первого взгляда узнал людей, пойманных камерой.

Артем Матусевич.

Эмиль Осин.

Борька Лобан.

Люба Сенцова.

Мои сокурсники, с которыми я водил дружбу во времена студенчества!

И все они были мертвы.

Не на фотографиях, нет. Там, в черно-белой реальности, они были живы и совсем молоды. Третий курс? Четвертый? У Любки короткий ежик на голове: значит, третий. К началу учебного года она побрилась налысо, а любопытствующим и острякам заявляла, что проходит курс химиотерапии. Я бы побоялся шутить такими вещами, но Любке было начхать. Волосы у нее росли быстрее, чем трава по весне, и к концу сентября она уже пользовалась расческой, а те, кто поверил в ее выдумку, плевали ядом ей вслед.

Эмиль был сфотографирован в кафе, Матусевич – за рулем своей «Тойоты», насупившийся Борька курил возле факультета, а Сенцова переходила улицу, глядя чуть мимо фотографа. Казалось, еще немного, и насмешливый взгляд упрется в меня, рассматривающего ее спустя восемь лет после того, как нога в

черном мартинсе ступила на зебру.

Никого из них не осталось в живых. Я слышал, что Любка ввязалась в пьяную драку, а Осин сломал себе шею, свалившись в неогороженную яму, оставленную строителями. Про Артема толком не знаю – кажется, сердечный приступ. Борька Лобан утонул.

И вот они здесь, передо мной, на стене подвальной комнаты, в доме, где я оказался по чистой случайности.

Этого просто не могло быть.

Я взлетел по лестнице и обежал комнаты, заглядывая под кровати и в шкафы. Кто-то был здесь, в моем коттедже. Кто-то распечатал и повесил фотографии моих покойных приятелей, и произошло это недавно – поверхность двух кювет была еще влажной.

4

Рытвин ответил на мой звонок почти сразу.

– Никита! Рад слышать. Неужели сдал мою халупу? Я надеялся…

– Илья Евгеньевич, – перебил я, – у кого еще есть ключи от вашего дома?

– Э-э-э… Ни у кого! Только у нас с тобой.

– Не может быть! Вспомните, пожалуйста!

Я выдумал потенциальных клиентов, которые пожелали осмотреть подвал, а там неожиданно для всех оказалась лаборатория. О снимках на пробковой доске упоминать не стал.

– Это какая-то глупость, ей-богу, – с искренней, как мне показалось, растерянностью, сказал Рытвин. – Что за лаборатория? Я не фотограф. Ник, ты не бухой ли, часом?

– У кого еще есть ключи? – настойчиво повторил я.

Однако Рытвин стоял на своем. В конце концов он, похоже, решил, что это какой-то розыгрыш, и, благодушно похохатывая, повесил трубку.

А я остался в доме с фотографиями, которым неоткуда было здесь взяться.

У меня не имелось логического объяснения происходящему. Какой-то иррациональный страх мешал вновь спуститься в подвал; я запер верхнюю дверь, за которой начиналась лестница, и в совершенном смятении вернулся в свою обжитую комнату.

Два часа спустя электричка «Москва – Владимир» увозила меня из города. Я ехал к Тане. Моя прекрасная сестра – воплощенное благоразумие, и если кто и мог рассеять этот морок, то лишь она.

5

Вернулся я спустя четыре дня, совершенно успокоившийся. Таня убедила меня, что это недобрый розыгрыш хозяина, который, несомненно, навел обо мне справки, прежде чем передавать ключи от своего дома, и развесил в подвале фотографии, позаимствовав их у кого-нибудь из моих бывших сокурсников. Вряд ли он догадывался, какая участь постигла моих приятелей. Странная жестокая мистификация – только и всего.

Я напомнил сестре про кюветы. Она пожала плечами: должно быть, они были наполнены водой и за несколько месяцев высохли не полностью.

О женщина, оплот здравомыслия! О ясный практический ум! Я вошел в дом, весело насвистывая, как человек, которому сделали прививку от нелепых страхов. Отличный день! Мне даже удалось забежать на ипподром и посмотреть заезд. Бегущие лошади – невероятное зрелище. Именно то, что требовалось, чтобы окончательно прийти в норму.

Не стоило устраивать в подвале мемориал моего студенческого прошлого. Я неторопливо спустился, чтобы забрать снимки.

Распахнулась дверь, вспыхнул свет, и мне бросилось в глаза, что фотографий стало пять.

На пятом снимке был я.

6

Не помню, как швырял вещи в сумку. Мое первое осознанное воспоминание – тяжелый ключ, который подпрыгивает в моем кулаке, точно упрямое живое существо, не желающее лезть в замочную скважину.

В конце концов я просто сунул его в карман. Пусть в этот проклятый дом заходит кто хочет! У меня стучали зубы. Бежать! Бежать к сестре, в гостиницу, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Я вцепился в сумку и кинулся к дороге, но тут за моей спиной приглушенно зазвонил телефон.

Я забыл на столе свой сотовый.

Я стоял и слушал, как он надрывается, – старый телефон с царапинами на корпусе, служивший мне верой и правдой последние пять лет, – и понимал, что без него уходить нельзя. И дело даже не в том, что мне необходимо постоянно быть на связи, нет. Просто это было как… как оставить врагу свой талисман.

Фотографии смеющейся сестры, глупое селфи в кинотеатре, номер Алисы, ее сообщения, которые я так и не стер…

Нельзя все это бросить.

Я поставил сумку на землю, быстро зашел в дом, схватил надрывающийся телефон, увидел незнакомый номер на экране, подумал: «Спамеры, мать их!» – а в следующую секунду меня ударили по голове и я провалился в темноту.

Глава 2

1

– Моя фамилия Порошина, по мужу, – зачем-то объяснила женщина, войдя в квартиру.

«Милая и очень испуганная» – вот было первое, что подумал Сергей Бабкин. Она извинилась, что не захватила бахилы, попыталась снять запылившиеся туфли, снова попросила прощения и только затем, к облегчению Сергея, на цыпочках прокралась в комнату, где ждал Макар Илюшин.

Никто не доставляет таких хлопот окружающим, как люди, отчаянно старающиеся не мешать. Бабкин заварил чай и принес в гостиную.

Она покосилась на чайник со страхом, будто ей предложили яд, а не черный рассыпной с бергамотом. Дрожащими руками достала из сумки фотографию и протянула Сергею. Он бросил взгляд на снимок, прежде чем передать его Илюшину. Молодой парень лет тридцати с приятным невыразительным лицом; худощав, сутул, под глазами круги. Офисный трудяга, должно быть.

– Татьяна, расскажите все с самого начала, – попросил Макар.

Сергей придвинул стул и начал записывать.

– Моего брата зовут Никита, Никита Сафонов. Ему двадцать семь, я на восемь лет старше. Родителей нет: папа нас бросил, мы его толком и не помним, а мамы не стало, когда Никита еще учился. Мы с братом… – она запнулась, – мы очень близки. Конечно, я не могла заменить ему маму, но всегда его поддерживала. Потом вышла замуж и уехала во Владимир, у мужа там бизнес.

– Какой? – спросил Сергей.

– Строительный.

– Вы уехали, а ваш брат остался в Москве?

Она кивнула.

– Дела у Никиты шли не слишком хорошо. Последние три месяца его как будто сглазили. Ни одной сделки, ни одного хорошего клиента, одни «туристы»… На их сленге так называют людей, которые приходят посмотреть квартиру, подробно расспрашивают о ней, а потом исчезают навсегда.

– Он риелтор?

– Да, хотя закончил юридический. Из-за его нынешней работы все и случилось.

Порошина говорила медленно, вопросительно взглядывая то на Бабкина, то на Илюшина, точно сверяясь с их лицами, в правильном ли направлении движется ее рассказ.

– Что случилось? – мягко спросил Илюшин. – По телефону вы сказали, что он исчез.

– Это очень странная история. Неделю назад брат приехал ко мне поздно вечером и рассказал, что ему пришлось занять чужой коттедж. Дом принадлежал одному из его клиентов. Никита давно не мог его никому сдать, и когда у него закончились деньги, решил, что сам будет там жить, пока не найдет нормальную работу.

Бабкин и Макар переглянулись. «А что, так можно было?» – отразилось на лице Сергея.

– В тот вечер он впервые спустился в подвал и обнаружил там фотографии своих бывших однокурсников, – волнуясь, продолжала Порошина. – Четыре снимка висели на стене. Эти люди давно умерли.

Илюшин нахмурился.

– Они погибли одновременно?

– Нет, в течение нескольких лет. С одним, кажется, несчастный случай, а другого убили в драке… Честно говоря, не помню. Никита дружил с ними, но эти ребята мне не особенно нравились.

Бабкин сделал пометку в блокноте: вернуться позже к этой теме.

– Кто, кроме вашего брата, заходил в коттедж, пока он жил там? – спросил Илюшин. – Подруга? Приятель?

– В том-то и дело, что никто! У Никиты нет близких друзей. Встречался с девушкой, но они расстались год назад.

Бабкин сделал вторую пометку.

– Значит, Никита нашел фотографии, – ободряюще сказал Макар. – Хорошо. Что было дальше?

– Он страшно испугался! Кто-то был в этом коттедже… кто-то, знавший его биографию. И эти странные фото… Зачем они? Никита примчался ко мне тем же вечером. Помню, я ляпнула ему первое, что пришло в голову: что это шутка настоящего хозяина. Может быть, владелец неожиданно вернулся, обнаружил его в собственном доме и решил… не знаю… отомстить таким образом. Это странно, понимаю, и звучит глупо, но… мне нужно было успокоить его.

– После этого ваш брат вернулся в коттедж?

– Да, два дня назад. Днем раздался телефонный звонок; я взяла трубку, и сразу стало ясно, что произошло что-то невообразимое. У Никиты был такой голос… Мне кажется, он даже не осознавал, что кричит. Я поняла только, что он спустился в подвал и увидел, что к четырем фотографиям прибавилась его собственная.

– Его собственная? – изумленно переспросил Бабкин.

Порошина кивнула.

– Любопытно, – помолчав, сказал Макар.

– После этого разговора Никита пропал! Он бросил трубку, я стала звонить ему, но он больше не отвечал! Ни позавчера, ни вчера, ни сегодня! Я бы написала заявление в полицию, но вы поймите – я боюсь рассказывать им о том, что он

жил в чужом доме. Его все нет, и я думаю… я думаю, с ним что-то случилось.

Татьяна всхлипнула.

– Он мог, испугавшись, уехать в гостиницу, – предположил Макар. – Если его сотовый потерялся…

– Мы созванивались каждый день! – перебила Татьяна. – У него нет никого, кроме меня. Никита помнит мой номер наизусть, он обязательно дал бы знать о себе. Нет, все не так! А вдруг то, что я придумала, – правда? Вдруг его схватил хозяин и держит у себя… Может быть, в том же подвале. Вдруг он бандит? Вдруг он пытает Никиту?

Она разрыдалась, и пока Бабкин ходил за водой, а потом искал бумажные платки, все извинялась сквозь слезы и твердила, как ей неловко. В конце концов Илюшин сказал, что им будет намного легче искать ее брата, если она успокоится и они смогут обсудить детали.

Это подействовало.

– Где Никита мог спрятаться?

– Ему некуда идти! Разве что к Алисе, своей бывшей девушке, но я позвонила ей сразу, как только все это случилось. Никита у нее не появлялся.

А как же школьные друзья, спросил Бабкин, а институт, работа, увлечения, другие девушки, в конце концов, не одна же бывшая подружка у почти тридцатилетнего парня. Татьяна отрицательно мотала головой. Складывалось впечатление, что Никита Сафонов вел исключительно замкнутый образ жизни. «А любимые места в Москве?» – поинтересовался он уже без особой надежды. Порошина встрепенулась и закивала: да, у него есть любимое место – железнодорожный мост над Яузой. «Железнодорожный мост над Яузой, – озадаченно повторил про себя Бабкин. – Не бар. Не парк. Не ночной клуб. Мост!»

– Татьяна, вы знаете, где он поселился?

– У меня нет адреса. – У нее вновь потекли слезы. – Никита упомянул только, что напротив его коттеджа двухэтажный кирпичный дом с башенкой. Ему все казалось, что из этого дома кто-то наблюдает за ним. Хотя там даже свет по вечерам не горел.

Бабкин выразительно посмотрел на друга. Илюшин кивнул, и они поменялись местами. Макар поставил стул так, чтобы сидеть напротив женщины, к ней лицом.

– Таня, – можно называть вас Таней? – вы сказали, ваш брат приезжал к вам неделю назад и был очень испуган.

– Таня… да… – Она вытерла мокрое лицо. – Так как-то по-домашнему. Спокойнее.

Потому он и использует это имя, мысленно отозвался Бабкин, а еще неплохо бы ему перейти на «ты», но это же Макар, он всем выкает.

– А как вы обращаетесь к Никите?

Порошина покраснела.

– Бурундучок. Он в детстве был щекастый и смешной. Я его дразнила, и постепенно это стало семейным прозвищем.

– Ваш брат входит в дом, вы говорите: «Привет, Бурундучок!» Сразу видите, что он расстроен. Никита позвонил с дороги? Он, должно быть, всегда предупреждает о своем приезде. Пожалуйста, начните рассказывать буквально по минутам, как все происходило. Во что одет ваш брат? Отрывисто он говорит? Торопливо?

Молодец, одобрил Сергей, переводи ее в настоящее время, пусть не вспоминает, а проживает заново.

Участливый голос Илюшина подействовал: Татьяна понемногу успокоилась.

– На нем джинсы, футболка с коротким рукавом, легкая летняя куртка, светло-бежевая…

– И вы думаете в этот момент: «Он с ума сошел – так одеваться в октябре!»

Порошина вскинула на него глаза, улыбнулась и кивнула. Бабкин завистливо хмыкнул про себя: если бы он пытался вытащить из нее воспоминания, она расслабилась бы в лучшем случае полчаса спустя, а этот подлец заставил ее улыбнуться на третьей минуте.

Сначала голос ее дрожал, но постепенно Татьяна стала рассказывать все увереннее.

Ужин, голубцы со сметаной, сын показал Никите свои поделки из пластилина и убежал смотреть «Гору самоцветов», из комнаты доносятся голоса Лисицы и Жихарки, брат говорит, говорит, говорит, повторяет то, что уже было сказано, снова возвращается к этим злосчастным фотографиям, от него пахнет дымом – почему? – ах, да, наверное, в поселке жгут листья, чудесный запах из ее детства, когда их с Бурундучком мама привозила в деревню, может быть, всем вместе съездить в этот дом, посмотреть, что там происходит, хотя муж вряд ли согласится, вилка позвякивает о тарелку, слава богу, с аппетитом у брата все в порядке, и трястись он перестал, ведь лица на человеке не было, господи, как же жалко его, надо всё-таки уговорить Володю, а лучше вообще оставить Никиту у нас, пусть погостит хотя бы пару недель, придет в себя, незачем ему возвращаться в эту «Березу»…

– Какую березу? – промурлыкал Макар, вклинившись в крошечную паузу.

– Белую, – ответила Порошина, не задумываясь, и только несколько секунд спустя изумленно ахнула.

2

Странная дорога вела в поселок: ни одного деревца вокруг, только блеклые кусты по обочинам да разрытое поле, по которому бродили сутулые грачи. Позади остались и золотые клены, и трава, усыпанная листвой, и низкие яблоки в светлых садах, которые они проехали, когда свернули с шоссе. Позади остался и октябрь, а здесь царило тусклое безвременье.

Вдалеке показались дома, и Бабкин оценил мрачное чувство юмора застройщика: ближайшая белая береза росла в пяти километрах.

– Все это изрядно напоминает городскую страшилку-легенду, – говорил Илюшин, пока Сергей вел машину. – Один человек заселился в новый дом, спустился в подвал – а там фото его друга. А на следующий день этот друг умер! Спустился он снова в подвал – а там его собственная фотография! И этот человек тоже умер.

– А потом пришла полиция, – скучным голосом продолжил Бабкин. – Спустилась в подвал, надавала детям по задницам, чтобы не болтали ерунды, и отправила их к бабушке. Как ты собираешься попасть внутрь?

– Решим на месте. Может, достаточно позвонить, чтобы приветливый хозяин распахнул дверь и пригласил на чай с булочками!

Они въехали на территорию поселка и остановились напротив белого дома с башенкой на крыше.

– М-да, – сказал, помолчав, Бабкин. – Сдается мне, не распахнет и не пригласит.

Дверь коттеджа была приоткрыта. На перилах сидела ворона, в свете истории об исчезновении Сафонова выглядевшая мрачной вестницей беды.

– И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул он, – пробормотал Илюшин.

– Прилетели две тетери, поклевали, улетели, – согласился Сергей. – Я тоже могу цитировать Чуковского. Делать-то что будем?

Илюшин чему-то коротко засмеялся и вышел из машины.

Тропинка, поднимавшаяся к дому, была усыпана листьями.

– Непохоже, чтобы здесь кто-то ходил последние сутки, – сказал Бабкин, присев на корточки и изучая непримятую листву.

Ворона каркнула, снялась с перил, шумно хлопая крыльями, и полетела, унося в когтях дохлую мышь. Макар проводил ее взглядом.

– Был бы я суеверен, сказал бы, что это недобрый знак, – проворчал Сергей.

– Как можно оправдать наше вторжение? – задумчиво спросил Илюшин и сам же ответил: – Легко! Шли мимо. Услышали внутри стон. Решили зайти и помочь несчастному.

С этими словами он двинулся к крыльцу.

– Э, э! – Бабкин вскочил, но было поздно: Макар просочился в щель.

Сергей обернулся, чтобы посмотреть, нет ли свидетелей их преступления, но дорога была пуста. Ветер гонял пыль и сухие листья, да где-то на краю поселка лаяла собака. Вспомнив рассказ Порошиной, Бабкин пригляделся к дому напротив. Выглядел он безлюдным.

– Серега, присоединяйся! – послышалось изнутри. – Здесь, похоже, никого нет.

Они обследовали комнаты. Повсюду, кроме кухни, стоял нежилой дух, кресла с диванами были накрыты чехлами, на подоконниках лежала пыль. Следы человека нашлись только в ванных – почему-то всех трех, будто Сафонов не мог определиться, какая ему по душе, – и спальне, окнами выходящей в сад, где возле шкафа примяло ковровый ворс потертое офисное кресло. На кровати валялись вещи: пара мятых футболок, носки, кистевой эспандер, бритвенный станок. Кто бы ни уезжал отсюда, он собирался в большой спешке.

В кухне пованивало из мусорного ведра. Бабкин обнаружил в нем пустые корытца из-под лапши, чайные пакетики, заплесневевшие корки, огрызки яблок и стухший кружок колбасы.

– На чердаке никого, – тихо сказал Макар, возникший за его спиной.

Они переглянулись и, не сговариваясь, двинулись к лестнице, ведущей в подвал.

– Ни за что не хватайся, – предупредил Сергей и достал карманный фонарь.

На нижней ступеньке он прислушался.

Ни звука.

«Приготовься!» – глазами показал Бабкин, включил фонарь и рывком открыл дверь. Бледное пятно света заметалось по стенам.

– Пусто.

Он нащупал выключатель, и потолочная лампа осветила комнату, напоминавшую большой ящик.

Все оказалось в точности как описывала Порошина со слов брата. Раковина, тумба, банки с реактивами, фотоувеличитель. От красного фонаря тянулся к розетке длинный пыльный провод. Небольшой пустой стол, и к стене над ним прислонена пробковая доска с черно-белыми фотографиями. Сафонов единственный из всех смотрел в кадр, прищурившись, над губой у него темнели тонкие усики, придающие ему вид дерзкий и в то же время нелепый.

– Похоже на убежище серийного маньяка, – пробормотал Макар.

– Маньяки не убивают уже мертвых людей.

Сергей обыскал комнату, но не нашел ни пленки, ни фотоаппарата. Отпечатки были стерты или просто исчезли от времени.

– Здесь даже фотобумаги нет, – за его спиной негромко сказал Илюшин. – Минимум информации. Может быть, на снимках найдется подсказка.

Оба уставились на портреты.

Все пять были расположены в ряд. Парень на первом снимке широко улыбался, и трудно было вообразить человека, который не улыбнулся бы в ответ. «Из тех людей, глядя на которых остро чувствуешь, что молодость не просто ушла, а ушла к кому-то», – подумал Илюшин. Рослый и широкоплечий, а улыбка мальчишеская.

Второй – утонченно красивый, хрупкий, смуглый, с тонкой шеей, странным образом похожий одновременно на девушку и на старичка. Прекрасные выразительные глаза, опушенные густыми ресницами. Маленький рот подковкой, поджатые губы.

Третий, с бугристым, как картошка, лицом, смотрел исподлобья в сторону.

– Рабоче-крестьянское рыло, – пробормотал Сергей.

– М-да, пролетарий.

Необычнее всех выглядела девушка. Короткие черные волосы над очень высоким покатым лбом, впалые щеки, близко посаженные глаза, странно лишенные выражения. Одно из тех лиц, чье уродство полюбили использовать модельные дома. Бабкин раздумывал, что не так с девушкой, и вдруг понял: у нее нет бровей.

– Снимали не вблизи, – заметил Илюшин. – У фотографа была хорошая оптика. Интересно, они подписаны?..

Он потянулся за снимками, но Сергей остановил его:

– Подожди. Я ее знаю!

– Кого?

– Девицу! Сейчас, сейчас… – Он защелкал пальцами. – Сенцова, Любовь Сенцова! Проходила свидетельницей по одному не совсем обычному делу.

– Ты участвовал в расследовании?

– Все было намного интереснее. Давай здесь закончим, и я тебе расскажу.

Рутинная работа: осмотреть, сфотографировать, записать. Когда Сергей вернул на место последнюю фотографию, Илюшин ткнул пальцем в потолок: возвращаемся.

– Объясни мне, – ворчал Бабкин, поднимаясь в темноте за напарником, – дом громадный, на велосипеде не объедешь, а подвал – комнатушка два на три. Где логика, где здравый смысл?

– Пару лет назад мои знакомые искали на лето дачу для большой семьи, – отозвался Макар. – Им подвернулся отличный вариант: трехэтажный коттедж, два десятка комнат, включая бильярдную и сауну. И один-единственный туалет. Мои знакомые не удержались и спросили владельца: мол, как же так? Неужели вам по душе очереди в уборную? А тот ответил: у моих бабушки с дедушкой так было, изба на две семьи, одна уборная во дворе, и ничего, жили и радовались.

– За сауну в жилом доме бабушка с дедушкой пороли бы внука мокрыми розгами.

Они вернулись в комнату, где были разбросаны вещи.

– Надо бы все помещения осмотреть с твоей лампой, – просительно сказал Макар.

– Я тебе объяснял, – терпеливо сказал Бабкин. – В свете ультрафиолета следы разрушаются. Здесь еще полиции работать, а уничтожать улики – это свинство. С лупой ходи и с реактивом Воскобойникова, по старинке. Кстати, в кухне на кафеле высохшее темное пятно. Давай, тренируйся.

Пока Илюшин ползал вокруг пятна, Сергей придвинул табурет к окну, сел и стал рассказывать.

– В две тысячи восьмом, когда я уже ушел из прокуратуры, ко мне обратился знакомый следователь, Урюпин, – молодой парень, пристроенный к нам по блату, но смышленый и азартный. У него в производстве было дело об убийстве. Мужчину сорока пяти лет зарезали январским вечером в парке. В деле имелось три странности. Во-первых, ничего не взяли. В карманах нашлись документы, ключи и несколько тысячных купюр. Можно было предположить, что ограбили его ради крупных денег, но когда опросили соседей, подтвердилось, что больших сумм у бедолаги не водилось. Во-вторых, эксперт насчитал на его теле пятнадцать ножевых ранений. Мужик был укутан в пуховик и теплый свитер, а его истыкали с такой легкостью, будто он стог сена. В-третьих, все произошло вечером, около восьми, в парке «Дубки», недалеко от «Тимирязевской». Парк небольшой, а главное, людный. Рядом с ним проходит маршрут двадцать

седьмого трамвая, из которого и вышел наш бедняга минут за пять до того, как встретил убийцу.

Илюшин снял очки и уложил реактивы в коробку.

– Серега, это обычный кетчуп, размазанный по полу. Я и в твоей истории пока не вижу ничего удивительного.

– Убитого вспомнили свидетели, ехавшие вместе с ним в одном вагоне. Он был пьян и приставал к девушке.

– Той, которая на фотографии?

– Да, Сенцовой. Мой следователь ухитрился отыскать ее. Девица подтвердила, что была в трамвае с погибшим и вышла на той же остановке, но мужчина остался возле трамвайных путей, а она пересекла парк и ушла. Больше, по ее словам, они не встречались. Урюпин попросил меня присутствовать при опросе свидетельницы. Если бы Сенцова воспротивилась, ничего бы не вышло, но она не стала возражать.

– М-м-м… Он хотел, чтобы ты ее расколол?

– Я ни слова не произнес за те полтора часа, что она пробыла в его кабинете. Просто сидел в уголке. Наблюдал.

Сергей замолчал и прислушался. Снаружи возле входной двери что-то зашуршало. Он наклонился вплотную к оконному стеклу, но на улице было по-прежнему пустынно и тихо.

– Что дальше? – заинтересованно спросил Илюшин.

– Тебе известно, что у хороших следователей развивается что-то вроде шестого чувства? К делу его не пришьешь, и, откровенно говоря, лучше вообще о нем не думать, а просто делать свою работу. Следователь так и поступил. По всему получалось, что мужчина стал жертвой случайного наркомана, которого спугнули прохожие. Но полтора часа спустя я вышел из кабинета в полной уверенности, что убила его Сенцова.

Он поморщился, вспомнив отталкивающее безбровое лицо.

– Почему ты так решил? – спросил Илюшин, внимательно глядя на него.

– Не могу внятно объяснить. В показаниях не было логических дыр. Дело в том, что она выглядела… довольной. Расслабленной и довольной.

– Ты не думаешь, что это бравада? Мужик ее обидел, она не сочла нужным скрывать удовлетворение от его смерти.

Сергей покачал головой.

– Девица получала удовольствие от происходящего. Я видел такое и прежде – демонстративный тип личности, знакомая история – а Урюпину сталкиваться не приходилось. Он за этим меня и позвал: сверить ощущения. Сенцова упивалась тем, что мы все понимаем, но ничего не можем сделать. Ей требовалось признание, и она его получила. А потом спокойно ушла.

Илюшин задумался.

Зима. Вечер. Фонари освещают заснеженный парк. В переполненном вагоне пьяница пристает к некрасивой девушке, пытается приобнять ее, она бьет его по рукам. На остановке он вываливается в парк. Она выходит за ним.

– Ты хочешь сказать, – начал он, – что, отойдя от трамвая, ваша Сенцова вернулась к несчастному алкоголику и нанесла ему пятнадцать ударов ножом? Пятнадцать, я не ослышался?

– Звучит странно, понимаю.

– А зачем она вообще приехала туда вечером?

– Говорит, в церковь ходила, – усмехнулся Бабкин. – Я проверил: храм действительно был открыт в это время. Но Сенцову там никто не вспомнил.

Девушка замерла возле двери, из-за которой доносились голоса. Она умела передвигаться бесшумно – навык, до предела развитый в детдоме, – и кожей чувствовать опасность. Там, куда она попала в двенадцать лет, люди делились на две категории: тех, кто будет бить тебя, и тех, кого будут бить рядом с тобой. Примитивная классификация, но проверенная.

В те времена она дралась редко, но с таким остервенением, что другие дети быстро приучились обходить ее стороной. Прозвище «Дура» ей дали не за тупость, а за презрительное равнодушие к последствиям своих поступков.

Воспитательниц она с первого дня попросила называть ее Нютой. Они, наивные, растрогались: решили, что Нюта и есть ее домашнее имя.

Девочка их перехитрила. Спрятала Аню, запечатала в волшебном фонаре, что хранился у Мельниковых. Если включить фонарь, промелькнет ее тень на стене среди карет и ажурных замков и исчезнет.

К людям вышла Нюта: серая мышь, тихоня с уехавшей кукушечкой. Ткнешь в мышку пальцем – тебя укусит взбесившаяся крыса. А не тыкай, не подходи, зенки наглые не пяль!

Мышь Нюта стояла за дверью кухни и прислушивалась.

– Разделимся, – сказал парень с обманчиво легким голосом. – Рабочая версия: исчезновение Сафонова – дело рук собственника. Я выясню, кто он и где находится, а ты берешь себе Сенцову и выжимаешь из покойницы все что можно.

– Будет повод пообщаться с Урюпиным, – согласился второй голос, низкий, сосредоточенный.

Она попятилась, присела на корточки и тщательно протерла бумажным платком телефонный аппарат, стоявший на полу. Вернуть его на полку? Эти двое могут заметить, что в холле что-то изменилось.

– А что насчет мужа Порошиной? С ним будешь разговаривать ты или мне съездить?

Ответа его собеседника девушка уже не слышала: она отступила к двери и исчезла.

Никита Сафонов

1

…Я очнулся в троллейбусе – словно вынырнул из сна. Снилось что-то важное. Но я совершил ошибку: пытался резко вытащить увиденное из памяти. В этом отношении сны подобны ящерицам: они не терпят, когда их грубо хватают, и оставляют ловцу лишь мертвый хвост.

За окном подпирала небо гигантская башня Триумф-Паласа. Я был в хорошо знакомом районе, на Соколе.

Как меня сюда занесло?

Прошлое выплывало обрывками, словно лоскуты размокшей газеты, которые проносит течением мимо потерпевшего кораблекрушение. Я мог прочесть лишь отдельные фразы.

Как я выбрался из квартиры? Помню, что дверь удалось выбить. Правая нога до сих пор побаливала, а ведь я собирался завтра принять участие в скачках…

Минуту! Какие скачки? Я никогда не учился ездить верхом.

Голова болела так, словно накануне ее использовали вместо мяча в футбольном матче. Я пощупал лоб справа – ох и шишка! Кто-то ударил меня над виском… Если я напрягусь, смогу вспомнить его лицо.

Как я оказался в троллейбусе – вот вопрос.

Очевидно, мне удалось избавиться от веревки. Я сбежал – откуда? когда это произошло? – и зачем-то сел в троллейбус, идущий… Идущий куда?

Что это за маршрут?

– Шестьдесят пятый, голубчик, – ласково ответила сидящая рядом женщина, и стало ясно, что я говорил вслух.

Итак, я приближаюсь к метро «Аэропорт». Или, если посмотреть с другой стороны, я уезжаю из Серебряного Бора.

Мелькали осенние деревья за окном, гудели машины, и движение понемногу убаюкивало меня. Как хорошо сидеть, уставившись в окно, и ни о чем не думать. Даже грубая тяжесть в затылке понемногу отпускала.

Яснее всего из случившегося за последние дни я помнил пять фотографий в подвале коттеджа.

2

Мы познакомились на третьем курсе, когда в институте организовали театральную студию «Дикий Шекспир». Я заглянул туда исключительно из-за вычурного названия. Ставили вовсе не Шекспира, а неизвестную мне современную пьесу, из которой я запомнил только две строки.

– Водка ждёт, электричка на Петушки отправляется, кабельные работы подождут, – громко объявлял парень, балансируя на стуле, как акробат.

– Революции – полтинник, гражданам – юбилейный рубль, – отзывалась девушка в папахе. Папаха ей очень шла.

Акробата я узнал сразу: Артем Матусевич, мажор и удачливый засранец.

Я терпеть его не мог. Он поступил на юридический, не прикладывая никаких усилий, а я год штудировал учебники и на экзаменах так потел от ужаса, что отсыревала даже пачка сигарет в моем кармане. У него всегда водились свободные деньги, а я целое лето подрабатывал в баре, куда он заваливался с приятелями. Три «Зеленых Веспера»! Рецепт для неудачников: взбейте в шейкере абсент, водку и джин, а на чаевые купите домой обезжиренный творог. Пару раз я едва удерживался, чтобы не прилепить с размаху сторублевку к его

загорелому лбу.

Матусевич видел меня за барной стойкой четыре раза в неделю на протяжении двух месяцев. Думаете, он хоть раз узнал меня?

Черта с два.

Говоря начистоту, потому мне и хотелось швырнуть чаевые в его самодовольную морду – чтобы он наконец посмотрел НА МЕНЯ, а не на шейкер.

Определенно, мне нечего было делать в «Диком Шекспире». Я направился к выходу и вдруг услышал за спиной:

– Подожди!

Я недоверчиво обернулся.

Матусевич махал рукой, явно приглашая меня к сцене. От него можно было ожидать чего угодно, и первым моим порывом было побыстрее свалить оттуда.

Самолюбие пересилило страх. Я подошел, стараясь сохранять независимый вид.

– Нужен писатель-пешеход, – сказал Артем, сев на корточки на краю сцены, так что его лицо оказалось вровень с моим. – Третье действующее лицо. Лобана только на роли живодеров брать, а ты годишься, у тебя как раз типаж мрачного интеллигента. Может, попробуешь?

– Живодера тебе припомню! – громко сказал мордатый парень с первого ряда.

– Соглашайся! – поторопила девица. – Полчаса осталось до конца репетиции.

До меня дошло. Эти двое звали меня сыграть в пьесе.

– А режиссер кто? – туповато спросил я.

Оба засмеялись, но необидно.

– Я режиссер, – сказал Матусевич. – Давай, забирайся.

3

Спустя пару недель я рискнул спросить у Артема, отчего он позвал именно меня. Каждый день в актовом зале болтались студенты, наблюдая за репетициями. Кто угодно сгодился бы на роль.

– Ну-у-у, бурлак, ты даешь, – протянул Матусевич. Всех нас он называл бурлаками, кроме Любки. – Ты же уникум. Никто больше в этом городе не умеет готовить «Зеленый Веспер». Я, можно сказать, твой давний поклонник.

Если бы после этих слов Артем попросил меня набить морду декану, я не задумался бы ни на секунду.

– Сифон, лыбишься, как девка после… – заржал Лобан, посмотрев на мое лицо.

К его шуточкам я привык не сразу. Эмиля Осина Лобан переименовал в Умильку и произносил это, мерзко присюсюкивая. Тот бесился, однако схлестнуться с Борькой в открытую не смел. Я подозревал, что обидчивый Эмиль готовит ему какую-то пакость: слишком уж сладко он начал однажды улыбаться, поглядывая на Лобана.

В группе Бориса учился толстяк по фамилии, кажется, Игнатов. Умный парень, но типичный ботан. Лобан по-лошадиному ржал в лицо бедняге: «И-и-и! гнатов». Вроде ничего особенного, но это истошное «И-и-и-и-го-го-гнатов!»… Черт, невозможно было удержаться и не заржать в ответ.

Это было веселое время. Мы ставили любительские спектакли, и чем глупее они были, тем больше мы смеялись. Мы задирали друг друга. Матусевич придумал «Тайный клуб»: в институте мы делали вид, что нас объединяет только театральная студия. Артем от души развлекался всей этой дурацкой мистификацией.

В том, что случилось потом, были виноваты все мы. Но если б не изобретательность Осина, этот замысел не воплотился бы в жизнь.

После я спрашивал себя: как я мог пойти на такое? О чем я думал?

Честный ответ таков: я думал о том, что наконец-то обрел свой клан, стал частью братства. Артем твердил, что мы отличаемся от других, и я ему верил. Мы все ему верили.

В глубине души иногда шевелился червячок сомнения. Но в тот день, когда Матусевич поделился с нами своей идеей, меня охватила всепоглощающая детская радость. Я больше не был тем ребенком, которого не зовут погонять мяч во дворе. Меня взяли в игру.

Глава 3

1

Макар Илюшин скучал. «Самый простой случай из всех, с которыми мы работали, – думал он. – Владелец дома напугал балбеса инсценировкой в подвале, и тот сбежал. Теперь отсиживается в норе у кого-нибудь из старых приятелей. Пьет, надо полагать…»

Задача сводилась к тому, чтобы отыскать добряка, давшего приют риелтору. Илюшин подозревал, что достаточно выждать неделю, и кающийся Сафонов объявится, но Татьяна не хотела терять ни дня.

Сергей Бабкин, как всегда добросовестный и въедливый, обошел весь поселок, расспрашивая хозяев окрестных домов, не видели ли они чего-нибудь странного. Незнакомую машину? Сопротивляющегося человека, которого волокли бы из коттеджа? Может быть, кто-то кричал?

Нет, отвечали ему, все было тихо, здесь всегда тихо, да вы, наверное, сами видите.

Получалось, Сафонов ушел из «Белой березы» сам.

В этой картине Илюшина смущало лишь одно: фотографии в подвале. Если подумать, требовалось чертовски много усилий, чтобы достать их, если только хозяин не был близко знаком с кем-то из однокурсников Никиты.

Но какая же странная идея. Сказать начистоту, дикая идея. Такая кому попало в голову не придет.

Человек, напугавший Никиту, был намного интереснее самого Сафонова, и Макар повеселел, представив, что ищут они не унылого риелтора, а бывшего смотрителя «Комнаты страха» из Луна-парка.

Зазвонил телефон.

– Выяснил? – спросил Илюшин и приготовился записывать.

Собеседник заговорил, и полминуты спустя от расслабленности Макара не осталось и следа.

– Во Франции? – недоверчиво переспросил он. – Ты уверен?

2

Сергей Бабкин сидел в кафе, окнами выходящем на Покровку, и ждал бывшего следователя: Урюпин, как выяснилось, уволился год назад.

По улице неторопливо бродили туристы, ветер доносил колокольный звон из монастыря, и холодный солнечный день был так хорош, что Бабкин позволил себе расслабиться и не думать о деле. Официантка лет двадцати улыбнулась ему дружелюбно, без капли кокетства, и спросила, достаточно ли хорош чизкейк. Не моргнув глазом, он соврал, что чизкейк великолепен, подумал, не заказать ли штрудель, но тут вспомнился Илюшин с его занудством об избытке быстрых углеводов в рационе Бабкина, и штрудель есть расхотелось.

– Сергей!

Из тощего юнца с кадыком Урюпин превратился в человека, о котором консультанты в ювелирных магазинах говорят «солидный мужчина». На его лице при виде Бабкина начала проступать покровительственная улыбка, исчезнувшая, когда Сергей поднялся из-за стола.

– Отвык я от тебя! – признался Урюпин, глядя на него снизу вверх.

– Рад видеть! Заматерел ты, голуба!

– А жена говорит – обрюзг, – пожаловался Урюпин. – Приходится следить за весом.

И немедленно заказал двойную порцию пельменей.

Первые пять минут говорили о пустяках, присматривались друг к другу. Когда в разговоре повисла вежливая пауза, Бабкин решил, что можно переходить к делу.

– Витя, я столкнулся с кое-чем странным, – напрямик сказал он. – Без твоей помощи не обойтись. Помнишь девицу из парка «Дубки» возле «Тимирязевской»?

– Сенцову, – не задумываясь, откликнулся бывший следователь. – Дикая история. Вроде бы с тех пор нагляделся и на трупы, и на живодеров всех мастей, а девка до сих пор стоит перед глазами. Как она ухмылялась, а! А ножкой-то, ножкой играла – помнишь?

– Не помню, – сказал Сергей.

– Сама страхолюдина, а щиколотка тонкая, изящная. Поразительный контраст… Тоже, наверное, свидетельство незаурядности натуры. – Он глубокомысленно покачал головой.

– Витя, натура твоя была наглухо отмороженная. Тьфу! Не твоя натура, а ее…

– Понял я, понял, – засмеялся Урюпин. – Спорить не буду. Упыриха, конечно. Ты в курсе, что годом позже она проходила свидетельницей по делу о серии убийств в подворотнях?

Бабкин недоуменно взглянул на Урюпина.

– Что за убийства в подворотнях?

И вдруг голоса посетителей, гудение кофемашины, шум улицы стали тихими и очень далекими. «Подворотни». Он вскинулся, едва не опрокинув на себя кофе.

– Подожди! Дело, где было пять жертв?

– Оно самое. Вел его не я, но ты же понимаешь, мир тесен. Удивил я тебя, Сережа?

– Не то слово. Рассказывай!

Урюпин откинулся на спинку стула, покряхтел и ослабил ремень.

– Наша красотка обнаружила третий труп. Случилось это возле «Новослободской». У меня неподалеку живет родня. Когда все началось, я запретил им не то что через арки ходить, а вообще по безлюдным улицам. Тогда еще не было уверенности, где он убивает.

Бабкин записывал.

– Привязать Сенцову, однако, ни к чему не смогли, – продолжал бывший следователь. – Подозрительно, конечно: два года подряд свидетель оказывается возле криминального трупа. Но предъявить ей было нечего. Она сама вызвала полицию, с жертвой не имела никаких пересечений. Ее помытарили и отпустили.

– Наблюдение велось?

– Не помню, врать не стану. Почти наверняка. Студентка, и жизнь студенческая, самая обычная. В подозрительных отношениях, как говорится, не замечена.

Сергей не успел еще задуматься, каким образом дело восьмилетней давности может быть связано с исчезновением Сафонова, а версия Макара уже начала рушиться быстрее песочной башни под набежавшей волной. Один из студентов

на фотографиях оказался каким-то образом причастен к серийным убийствам. Это можно было объяснить совпадением. Это хотелось объяснить совпадением! В эту секунду ничего другого Бабкин не желал так сильно.

Но сбросить этот факт со счетов он не мог.

Сергей машинально пожевал зубочистку, уколол язык и выплюнул.

– Расстроил тебя? – сочувственно спросил Урюпин.

– Озадачил. Убийцу, насколько я помню, не поймали?

Бывший следователь покачал головой.

– Нет. Искали на совесть, можешь мне поверить.

– Уголовное дело мне понадобится, – вслух подумал Бабкин.

– И не надейся!

– …если только Илюшин уже не отыскал нашего дурня… Что?

– Я говорю, можешь даже не дергаться. – Урюпин отправил в рот пельмень. – Ничего не слышал, да? Сидишь в своем частном сыске, все новости мимо тебя. У нас уже полгода новая метла. – Он назвал фамилию, смутно знакомую Сергею. – Метет так, что свист стоит.

– У нас? – усмехнулся Бабкин.

– У них, – поправился Урюпин. – Никак не могу отвыкнуть.

– Расскажи что помнишь, – попросил Бабкин и поискал глазами официантку. Все складывалось так, что сам Бог велел утешиться штруделем.

Серей вошел в квартиру Илюшина, открыв своим ключом. Они давно условились, что на время расследования комната Макара превращается в офис, и Илюшин обставил ее в соответствии со своими представлениями об идеальном рабочем месте. Иногда ему взбредало в голову сделать перестановку – чаще, чем хотелось бы Сергею, который только успел привыкнуть к лиловому креслу, как его сменило желтое, высокое, точно трон, в котором любой выглядел бы претенциозно и глупо, глупее, чем обгоревшие туристы в приморских городах, обряжающиеся в костюмы придворных и сажающие на шляпу с плюмажем обезьянку. Любой – но только не Макар.

Кроме того, Илюшин повесил на стену мишень дартс. Дротики он выкинул бестрепетной рукой, пояснив, что не любит острых предметов, и завел на столе пенал с тысячей обгрызенных карандашей. Бабкин предпочитал не думать о том, откуда он их взял в таком количестве. Эти огрызки, а также ластики, колпачки от ручек и прочие мелочи время от времени летели в мишень, а потом хрустели под ногами у Сергея; когда он пытался воззвать к совести Илюшина, тот посоветовал представить, что это ракушки на морском берегу.

Макар сидел за ноутбуком.

– У меня новости, – мрачно сказал он, увидев в дверях Сергея.

– У меня тоже, – в тон ему ответил Бабкин.

– Начнем с моих. Илья Евгеньевич Рытвин, тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения, единственный собственник дома в поселке «Белая береза», в настоящее время проживает во Франции, куда выехал в ноябре прошлого года. На территорию Российской Федерации не возвращался.

Бабкин сел.

– Я только что имел с ним продолжительную телефонную беседу, – продолжал Илюшин. – Он клянется, что ключей нет ни у кого, кроме него и Сафонова. Верить ему на слово, конечно, нельзя, но факт остается фактом: сам Рытвин не мог развесить фотографии.

– Мог кого-то попросить, – без всякой уверенности сказал Сергей.

– Сбил Рытвин, подлец, нам все расчеты. Прибавь к этому, что у него нет другой недвижимости в России, вопреки тому, что мы с тобой предполагали, так что если он и заточил бедного Сафонова в подвале, как предполагает сестра, это не его подвал. В общем, все это осложняет работу на порядок.

– Это еще не осложняет, – заверил Бабкин, доставая блокнот. – Теперь слушай мою историю. В ноябре и декабре две тысячи девятого пять человек были зарезаны в подворотнях. Ты об этом что-нибудь знаешь?

– Никогда не слышал. Но, в общем, не вижу ничего странного. В Москве за сутки происходит от одного до пяти убийств. Какая-то часть из них пришлась на подворотни просто потому, что это удобное место для грабежей. Жертва начинает сопротивляться и все заканчивается печально.

– Я не совсем точно выразился, – сказал Бабкин. – Это были не подворотни. Это были арки. Одна – на Соколе, вторая – на Долгоруковской, третья – в Коптево и еще одна – в Астраханском переулке, за проспектом Мира.

– Ты перечислил четыре.

– На Долгоруковскую пришлось два убийства. Арки там расположены по левой и правой стороне улицы, почти напротив. В середине ноября убили девушку в одной арке, а две недели спустя – мужчину во второй. Во всех пяти случаях один и тот же почерк: нападавший бил жертву ножом в горло или в грудь, несколько раз.

– Все погибали на месте? – быстро спросил Макар.

– Хороший вопрос. Нет, двоих довезли до больницы. Там они скончались, не приходя в сознание.

– Значит, на них нападал не профессионал…

– На месте одного из преступлений нашли нож, но ни на шаг не продвинулись. Этих ножей в любом хозяйстве…

– Почерк одинаковый, места похожи, – пробормотал Илюшин. – Что насчет убитых?

– Никаких связей. Не знакомы, не ходили в один спортивный зал, не заканчивали одну школу, не приехали из одного города… И у них ничего не взяли.

– Или взяли то, о чем никто не знал, – задумчиво сказал Макар. – Дело так и осталось висяком?

Сергей молча кивнул.

– Какое отношение оно имеет к нам?

– Третий труп обнаружила Сенцова.

Бабкин сполна насладился вытянувшимся лицом Илюшина.

– Она и позвонила в полицию, – добавил он. – Урюпин рассказал, что когда Сенцову опрашивали, она выглядела до смерти перепуганной. Догадывалась, что всплывет убийство в парке и возникнут вопросы. Но она не была знакома с жертвой.

Он снова замолчал. Макар попытался выбить пальцами дробь по подлокотнику, однако бархатная обивка заглушила звук. Сергей мстительно ухмыльнулся: кресло ему не нравилось, но привычку Илюшина он не любил еще больше. Приятно было найти в чванливой мебели неожиданного союзника.

Он ушел на кухню и крикнул оттуда:

– Четыре трупа опознали, пятый – нет.

Включил чайник, вернулся в комнату. Илюшин пересел на стол и подпирал щеку с таким лицом, будто у него заныли зубы.

– Давай для начала поймем, кто эти четверо на фотографиях, – сказал он.

– Студенты, – пожал плечами Бабкин. – Однокурсники Сафонова. Нам и так это известно.

– Если бы все было так просто, их снимков не было бы в подвале.

4

Илюшин вышел на «Кропоткинской», улыбнулся проходящей мимо красавице и пошел своей дорогой, не замечая, что девушка смотрит ему вслед. Возле храма кружили туристы. Над туристами кружили голуби.

Чисто, прозрачно и ветрено. Макар взглянул на часы и решил, что есть время поздороваться с Петром Первым.

Металлический колосс, покрытый бронзой, вызывал у него теплые чувства. Когда-то, очень давно, мама плавила шоколад в кастрюльке и разливала по формам. Формочек было три: белка, медвежонок и солдатик. Белку фаршировали толчеными орехами. Медвежонку доставалась вареная сгущенка. А солдат всегда был пустым, потому что на третьем шоколадном уродце терпение мамы Илюшина заканчивалось.

– Я тебе, бывало, в детстве башку откусывал, – ностальгически сообщил Макар императору.

Когда он поднимался вверх по Пречистенке, начали бить в колокола. В хорошем месте живут родственники Эмиля Осина, мысленно сказал себе Илюшин. Дай-то бог, чтобы пустили в подъезд. Пройду ль дресс-код я, лох позорный, иль с треском вышибут меня?

Проверить это ему не удалось.

– Подождите внизу, – раздался тонкий голосок из динамика домофона, когда он набрал номер квартиры, – я сейчас спущусь.

Илюшин сел на скамейку возле детской площадки. Вскоре из подъезда вышла молодая женщина в уггах, кутавшаяся в розовое пальто, похожее на махровый халат. Не исключено, подумал Макар, что это как раз таки халат, похожий на

пальто.

По телефону он представился бывшим однокурсником Эмиля. «Мы делаем альбом о нашем курсе. Можно попросить вас рассказать что-нибудь о вашем муже?»

Вдова Эмиля Осина кивнула ему, глядя сверху вниз, и присела рядом.

– Здравствуйте, Нина. Спасибо, что согласились поговорить.

Бледное лицо со следами недосыпа, волосы, собранные на макушке в небрежную гульку. Она потерла глаза и зевнула.

– Простите! Малыш всю ночь не спал. Зубки режутся. У вас дети есть?

– Двое, – кивнул Макар, вложив в интонацию равные дозы безграничной усталости и незамутненного счастья. – Утром в садик их отвел.

– Хорошего отца сразу видно!

Илюшин смущенно улыбнулся.

– Нина, поговорим об Эмиле? Я бы не беспокоил вас личной встречей, но по телефону все как-то не так получается… не душевно, если вы понимаете, о чем я.

– Я понимаю… понимаю. Что вам рассказать? О семье, наверное, вы и сами слышали…

– Если честно, его родители мне не очень интересны. Мы составляем такие, знаете, неформальные портреты! Факты биографии, характер, привычки – все вместе. Это дает объем, трехмерное изображение, насыщение информационного поля…

Он понес вдохновенную ерунду, зная, что важны не слова, а интонации и темп речи. Нина понятливо кивала.

– Раз вы учились с Эмилем, вы помните, какой он был, – сказала она. – Остроумный! Хлесткий! Бросит мне пару слов – я весь день рыдаю. Эмиль говорил: тот, кто не отличает Феллини от Абеляра, не имеет права на ужин. Ну… приходилось сидеть на кефире. Зато для фигуры полезно.

Нескрываемая гордость, звучавшая в ее голосе, озадачила Макара.

– Может быть, поэтому у него не было друзей, – задумчиво сказала Нина.

– Как не было? – удивился Илюшин.

– На третьем курсе он был влюблен в какую-то девочку, но она не ответила ему взаимностью. А может быть, ответила, но вскоре бросила. Сам Эмиль об этом никогда не упоминал, его родители проговорились. Еще были какие-то приятели… Наверное, из-за девушки они все переругались. – Она заговорила неуверенно. – Вы сами этого не помните?

– Увы. Я же видел его только издалека. Восхищался, точнее сказать…

– Когда мы начали встречаться, он ни с кем меня не знакомил. Сначала я думала, это из-за того, что Эмиль меня стесняется… А потом догадалась, что у него нет никаких друзей. Даже на нашей свадьбе гуляли только его коллеги, а из института никто не пришел.

Странно, подумал Макар, очень странно. А как же дружба, о которой говорила сестра Сафонова?

– Эмиль был очень умный. Очень! Он столько читал, вы не представляете. У нас дома огромная библиотека! Я даже не знаю, что теперь делать со всеми этими книгами. Так и стоят…

– А вы сами их не читаете? – вырвалось у него.

– Нет. Я же дурочка.

Она улыбнулась, будто извиняясь. Илюшин пристально взглянул на нее и довольно много понял об Эмиле Осине, и то, что он понял, ему не понравилось.

Девочка-глупышка, не читающая книг, прелестное юное существо, не знающее, кто такой Феллини и чему учил Абеляр… Но если тебе важен был ее ум, Эмиль, зачем ты на ней женился?

– Я не думаю, что вы дурочка, – сказал он.

– Вы просто мало меня знаете. Моя мама приговаривает: «Был бы ум бы у Лумумбы…»

– …ни при чем бы был бы Чомбе, – машинально закончил Илюшин.

– А я всегда маме на это отвечаю, что Лумумба – очень красивое имя, и если она будет часто его повторять, я назову им дочку.

Макар засмеялся. Нина Осина начинала ему нравиться.

– Вы знали, что Эмиль пел в хоре? – Она снова стала серьезной.

– Нет.

– У него прекрасный голос! Высокий, тонкий-тонкий! Тенор. Прямо ангельский! Он учился в институте, а по выходным пел в соборе. Его родители говорили, что у Эмиля впереди завидное будущее… Мы поженились, а через год он погиб.

– В две тысячи двенадцатом, кажется?

– Да. Так глупо получилось… Он возвращался вечером с работы и срезал путь через стройку. Было грязно, шел дождь… В общем, Эмиль сорвался. Его нашли в котловане со сваями. Он упал и разбил голову.

– Эмиль был пьян? – спросил Макар, догадываясь об ответе.

– Нет, что вы! Он совсем не пил.

– А когда это случилось?

– Тринадцатого ноября.

Илюшин выразил сочувствие, задал для проформы еще несколько вопросов, поблагодарил женщину и встал.

– Вы журналист? – спросила Нина, глядя на него снизу вверх.

– Нет, конечно. Почему вы так решили?

– А татуировки с птицами у вас есть?

– У меня вообще нет татуировок, – осторожно сказал Илюшин. – Нина, вы задаете странные вопросы.

Девушка поднялась.

– Эмиль однажды напился, – безучастно сказала она. – Единственный раз за все время, что мы были знакомы. Он пытался убежать из квартиры и кричал, что за ним придут орлики.

– Кто придет? – изумился Макар.

– Орлики.

Илюшина осенило:

– С белыми глазами да по мутной воде?

Нина вздрогнула и уставилась на него.

– Да… Кажется, так. Откуда вы знаете?!

– Это Гребенщиков, «Волки да вороны». Песня такая.

Нина помолчала.

– Без разницы, песня или нет, – сказала она наконец. – Эмиль боялся этих орликов до смерти. Он больше в рот не брал ни водки, ни вина только потому, что помнил, как они ему являлись. Вы не журналист. Но вы не учились с ним вместе. Я глупая, это правда. Но чтобы бывший студент заморочился этим альбомом… Вы бы по-другому выглядели и разговаривали. Наверняка у вас была бы борода! Так что вы врете. И имя выдумали… первое попавшееся взяли, да?

Илюшин помолчал. Если так пойдет и с остальными родственниками, можно сворачивать опрос и расписываться в профнепригодности.

– Я не орлик, – сказал он, и прозвучало это даже нелепее, чем он опасался.

Вдова Эмиля Осина кивнула. Странно, но, кажется, ему удалось ее успокоить.

Глава 4

За семь дней до описываемых событий

1

Устроившись на чердаке возле окна, девушка наблюдала за дорогой. Термос с чаем, яблоки и орехи на блюдце, наушники, плеер, ведро для естественных надобностей, – она подготовилась основательно. Предстояло провести под крышей целый день, дожидаясь человека, которого она не знала в лицо.

Ясно было лишь одно: он подойдет к калитке. Не может не подойти.

Ее дом отсюда, с чердака, был виден как на ладони. Низенькая изба, участок размером с бутерброд. На участке всех сокровищ – три калины, две кошки да куст крыжовника. Белые полусонные кошки в теплое время года ждали возвращения Анны под калиной, а если она задерживалась, выходили на улицу, тревожно крутили головами, точно две тетушки, обеспокоенные долгим отсутствием племянницы.

Дом был разделен на две половины. Комната слева, комната справа, посередине кухня. Большую комнату с сентября она сдавала студенту-пятикурснику.

Если бы не он, Анна не таилась бы сейчас на чердаке.

Соседи уехали в отпуск, отставив ей ключи. Она поливала цветы и подкармливала морскую свинку, кажется, так и не заметившую смены хозяев. Год назад здесь обитала канарейка, но однажды улетела и не вернулась. Вместо нее появился этот туповатый помпон с глазами.

2

Если подумать, все началось с канареек.

Их семья в то время состояла из двух людей: маленькой Ани и большого отца. Маму она совсем не помнила. «Хорошая была», – говорил о ней отец и замолкал, а если Аня пыталась расспрашивать, начинал плакать.

В будни отец работал до позднего вечера, по субботам напивался. Выпивши, становился добренький и глупенький, выходил на улицу, лез целоваться со всеми собаками, за что не раз был покусан. В воскресенье отлеживался, а с конца недели все повторялось заново.

Девочка была предоставлена самой себе. Невысокая, крепко сложенная, исключительно ловкая, она осваивала дворы вширь и вверх, и не было ни одного забора, на который она не могла бы забраться, и ни одного подвала, который она бы не исследовала.

Как-то раз ее начали дразнить незнакомые мальчишки. Взрослых поблизости не оказалось, да Ане и не пришло бы в голову звать на помощь. Девочка стояла молча среди чужаков, злившихся все сильнее, заводящихся от собственных воплей, и когда ей надоело слушать ругань, спокойно отодвинула ближайшего крикуна и прошла на детскую площадку.

Враги притихли. Анна примерилась к турнику, подпрыгнула – и упала. Вокруг засмеялись. Она подпрыгнула снова и ухватилась за тонкую перекладину.

Вперед-назад! Вперед-назад! Девочка раскачивалась, далеко выбрасывая ноги, увеличивая амплитуду, не слыша уже смешков – то ли потому, что мальчишки заткнулись, то ли из-за шума ветра в ушах. Хей-хоп! Хей-хоп!

Она сделала последнее небольшое усилие – и замерла вертикально над перекладиной вниз головой. На земле дружно ахнули. Анна сделала полный оборот и спрыгнула с турника.

Ее обидчики сбились в кучу. Девочка обвела их вопросительным взглядом и насмешливо подняла брови.

– Темыч, – заволновались в толпе, – ты можешь, ну!

Вперед вытолкнули тощего пацана в шортах. Тот выпятил грудь, шмыгнул, похлопал ладонью по опоре.

– Турник больно хлипкий. Она-то малявка, ей что…

Малявка пожала плечами и пошла прочь.

Ее мир был миром одиночки, не тяготившейся своим одиночеством. Она была молчалива не от стеснительности, а из-за необъяснимой уверенности в том, что слова не слишком-то нужны разумному человеку. От деда в их квартире остался проигрыватель, и в плохую погоду девочка, нацепив огромные наушники, слушала старую пластинку, подпевая то Али-Бабе, то разбойникам. «Постареешь – поймешь: жарко жить, а умрешь! Ая-яй-яй! Очень жалко!»

В конце мая их соседи по лестничной клетке подхватили свой скарб и в один день исчезли, оставив за собой мусор на лестнице и вонь прогорклой еды. Вечно они орали и ссорились, и дети их орали и ссорились, и шум из квартиры с годами становился все громче, словно хор неуклонно пополнялся певцами. Девочка подозревала, что время от времени родители где-то подбирают новых отпрысков и выдают за своих. И вот цыганский табор пропал, а в квартиру номер пять вселились другие жильцы.

Аня каталась на самокате у подъезда, когда ее внимание привлекли удивительные звуки. Пела птичка. Высокая дрожащая трель вдруг переходила в журчание, затем набирала силу ровная чистая мелодия; она сменялась посвистыванием, насмешливым чириканьем – и снова начиналась трель, взбираясь все выше и выше, как если бы ручей тек в гору, а не с горы, и падал с вершины, разбиваясь на тысячи капель.

Пение доносилось из раскрытого окна. Через подоконник наружу перегнулась круглолицая женщина с нежнейшим розовым румянцем и широко улыбнулась:

– Нравится, как поют?

Девочка кивнула.

– Хочешь послушать поближе?

– А можно?

– Заходи! Я как раз окна помыла.

Так Аня познакомилась с новыми соседями.

3

Квартира, сменив жильцов, будто выпрямилась в полный рост. В комнатах стало очень просторно, и пахло вкусно, как в кафе-мороженом, куда на день рождения Аню водил отец.

Мельниковы жили вдвоем.

Константина Романовича девочка не любила. Он был высок, страшно худ, неулыбчив и молчалив. Между носом и губой у него было родимое пятно, похожее на мышь с хвостом. До чего же, должно быть, противно, когда у тебя под носом мышь! Изредка, в хорошие дни, доводилось услышать от него при встрече «м-гм», обычно же он смотрел на Аню так, словно она была собачонкой, которую жена завела без его согласия.

Анин отец ходил дома в растянутой майке, а Константин Романович – в рубашке, жилете и брюках. Он бесконечно что-то писал за столом, на котором, как фиолетовый ледник, возвышалась хрустальная чернильница. Стол был огромный, больше, чем карта мира в кабинете географии. Ане казалось, по нему тоже можно путешествовать.

Являлись студенты с рюкзаками, и закрывалась дверь в кабинет с великолепным столом, и наступала тишина, в которой издалека, как через открывшийся портал в другое измерение, раздавались всплески голосов: «Спекулятивный реализм! Объектно-ориентированная онтология!» Тогда хозяйка ходила на цыпочках и набрасывала полотенце на клетку с канарейками.

Таких людей, как Ольга Степановна, Аня прежде не встречала. Из всех соседок она завязала знакомство только со старухой Кузей, настоящее имя которой никто не знал. Кузя давала ей деньги на хлеб, и девочка бегала за свежим бородинским в дальний супермаркет. Свои редкие волосы старуха красила хной. Свято верила, что отвар из запаренных ржаных корок лечит все болезни. По ночам, пугала старуха, из унитазов вылезают крысы и ползают по квартирам, ища забытую еду, а в подвале у них гнездо из перьев съеденных голубей. Аня, поверив Кузе, однажды целую ночь просидела, таращась в темный кружок воды, но ни один даже самый маленький крысенок так и не показался на поверхность (из этого она заключила, что и целительная сила ржаных корок под вопросом).

Как-то раз отец пообещал познакомить девочку с его двоюродной сестрой Валерией, которую нужно было называть «тетя Лера», и ее детьми, Аниными троюродными братьями и сестрами.

Квартира тети оказалась похожа на музей: много-много комнат и приветливая смотрительница в длинных одеяниях.

– Какая девочка красивая! – приговаривала она ласково. – Взрослая какая! А ножки-то что такие коротенькие, а? – И подмигивала растерянно молчащей Ане. – Зато ум длинный! – подсказывала хозяйка и смеялась высокими прыгающими смешками.

В квартире обитали подростки неопределенного пола, все они говорили хриплыми голосами, играли на компьютерах и отворачивались, когда Анна подходила к ним. А взрослые перемигивались за спиной у отца, и вот уже кто-то

укоризненно тянул: «А как же культура застолья, Сергей Иванович», отбирал у него рюмку, и девочка не понимала, о чем они говорят, но знала, что это что-то обидное.

– Пысть подавятся своей кылтрой! – бормотал отец на обратном пути. – Жлобы!

Но раз в год они продолжали приезжать в гости к тете Лере. Аня даже научилась различать ее неприветливых детей. Тетя всегда говорила с ней детским голоском и каждый раз дарила фломастеры – то ли забывала о прежнем подарке, то ли решила, что племянница любит рисовать.

Тетя Лера и Ольга Степановна были толстыми. Но первую словно набили мокрой ватой, и она стала тяжелая, плотная. А вторая едва не взлетала над полом, скользя из прихожей в кухню как большой воздушный шар.

Мельникова вела в школе кружок пения. Иногда, под настроение, она начинала петь в квартире. Больше всего девочка любила «Вдоль по Питерской». Широкий свободный голос плыл по комнатам, по улицам, по городу, по планете, и все птицы замолкали, слушая Ольгу Степановну, и ветер стихал, и дождь повисал в воздухе.

Тут из кабинета выглядывал Константин Романович и смотрел. Ольга Степановна виновато прижимала руки к груди и вздыхала. «Работает…» – поясняла она девочке.

Анна от злости кусала губы. Работает он! Работают на заводе, а дома калачи едят. Так отец говорит, а ему можно верить: он не какой-то профессор в жилетке, а Главный Сварщик. На нем весь завод стоит.

4

Мельниковы собрались переезжать. Ольга Степановна вздыхала громче обычного, но не теряла рассудительности и силы духа. Константин Романович с невозмутимым видом стоял под окнами, словно ожидая, когда и его обернут пленкой и перенесут в грузовик.

Девочка старалась не плакать.

– Милая моя, мы поселимся недалеко, – успокоила Ольга Степановна. – Будем часто видеться. Можешь ездить на электричке, а можешь на автобусе. Я тебя встречу на станции. Вот через неделю и приезжай, договорились? Жаворонков напечем.

Булочки с изюмными глазками, которые прекрасно пекла Ольга Степановна, назывались не какими-нибудь заурядными плюшками, а именно жаворонками, и это было логично и правильно.

– Договорились, – кивнула Аня.

Она действительно успела съездить в гости к Мельниковым. Один раз.

А потом настал день, когда в квартиру позвонили люди с отцовской работы, и отвезли ее в больницу, и говорили с ней очень мягко, и везде провожали ее, и держали за руку, и обнимали за плечи, и обещали, что обязательно помогут, ни за что не оставят одну. Ей не дали только одного – посмотреть на папу.

Некоторое время после этого девочка могла выдавить из себя только чужие казенные фразы. «Несчастный случай на производстве, – сказала она Ольге Степановне по телефону. – Я вправе рассчитывать на пособие. Одно… едино… единовременное».

Хорошо, что у нее были чужие слова. Выпусти она наружу свои собственные, случился бы взрыв.

Взрослые говорили: мы знаем, ты любила папу.

Анна не понимала, о чем они. Разве ветка любит дерево, на котором растет?

После похорон, заснув на диване от усталости, она сквозь сон услышала разговор тети Леры и Ольги Степановны.

– …неужели мы сироту оставим! – прочувствованно говорила тетя. – Это ведь доченька Сережина, не чужой нам человек. У меня у самой дети, я знаю, каково

это… – Она шмыгнула, не досказав.

– Я хотела бы помочь, – тихо ответила Ольга Степановна. – Мы с мужем можем забирать Аню на выходные, на каникулы…

– А вы телефончик свой оставьте. Пусть она первая вам позвонит. Кто знает, вдруг ей не захочется вспоминать прошлое… ну, вы понимаете… вы часть ее прошлой жизни… Такая трагедия, ужасная трагедия!

Тетя снова всхлипнула.

Анна почувствовала, как мягкая рука легла ей на лоб. Прикосновение принесло облегчение – как прохладное влажное полотенце при высокой температуре.

– Анечка, мне нужно ехать, – шепнула Ольга Степановна. – Отдыхай, девочка моя.

Несколько раз Аня просыпалась от грохота. Тетя Лера ходила по комнате и показывала незнакомым мужчинам то на телевизор, то на тумбочку, и телевизор с тумбочкой исчезали. «Какая она заботливая, – мелькнуло у девочки сквозь сон. – Надо сказать ей, чтобы не забыла папину пепельницу». Стоило ей подумать об этом, папина пепельница отправилась в коробку.

А девочка отправилась в детский дом.

Она провела там три недели, каждый день ожидая, что тетя, наконец-то обставившая комнату папиными вещами, приедет и заберет ее отсюда.

Потом стало ясно, что никто ее не заберет.

5

Вечером пятого октября студент постучался к ней, чтобы отдать деньги за месяц.

– Анна Сергеевна, – церемонно сказал он, кладя конверт на стол.

– Алексей Иванович, – отозвалась Аня.

Они называли друг друга исключительно по имени-отчеству. Да, немного нелепо, но… Так сложилось с первого дня их знакомства: самоирония плюс старомодная учтивость плюс мелкие приятности: ветка рябины в вазе на его столе, упаковка пастилы – для нее, иногда сваренный на двоих утренний кофе. Пили по разным комнатам, вместе никогда.

Анна отодвинула в сторону коробку со своими конвертами. За годы скопилась целая пачка – и она многое отдала бы за то, чтобы узнать, где сейчас человек, отправляющий их.

– Это игра? – спросил студент, кивнув на коробку.

– Что?

– Играете во что-то? – повторил он. – Квест, секретная переписка? Простите, что я спрашиваю, – заторопился он, увидев выражение ее лица, – действительно, полез не в свое дело. Я пойду, Анна Сергеевна…

– Нет-нет, подождите! – Анна вынула из коробки всю пачку. – Почему вы сказали про секретную переписку?

– Можно взять? – Она молча кивнула, и Алексей потянул на себя, точно карту с колоды, верхний конверт. – На нем поддельный штемпель. Видите? Указано только «Почта России» и какой-то бессмысленный код, а должны быть дата и время. И указания места на оттиске нет. Где было принято это письмо? В каком почтовом отделении?

Анна молча смотрела на него. Столько лет исследовать конверты на всевозможные тайные знаки, искать пометки молоком, невидимыми чернилами, и не догадаться о самом простом – о штемпеле.

– Вам неизвестен отправитель? – Алексей нахмурился.

Девушка покачала головой.

– И вы хотите найти его?

Она кивнула.

– Кто-то просто кладет письмо в ваш ящик. Этот штемпель отпечатан… не знаю, да хоть ластиком. Мы делали такие в школе. Или куплен в переходе. Вы можете показать этот конверт в почтовом отделении, и они подтвердят вам…

– Нет, – сказала Анна. – Почтовое отделение… нет. Спасибо, Алексей Иванович.

Студент оказался деликатен: сразу ушел, не расспрашивая ее больше ни о чем, и Анна осталась со своей коробкой, в которой были собраны письма за последние годы.

Этот человек приносит их лично. И она столько лет не замечала его! Это мог быть почтальон или прохожий, идущий якобы по своим делам. Подбежать к почтовому ящику – дело трех секунд.

Девушка обхватила голову и застонала. Ей нужно было лишь раз вовремя оказаться возле калитки! Один-единственный раз!

Но она быстро взяла себя в руки. Теперь, когда ей известно, как в действительности конверты попадают в ее дом, нужно правильно распорядиться новым знанием.

Они приходили десятого или одиннадцатого числа каждые три месяца. У нее есть несколько дней, чтобы подготовиться к визиту почтальона.

Старые брюки с широким ремнем, полуавтоматический швейцарский нож, подаренный владельцем Маскарада, вороного коня фризской породы, – девушка не пользовалась никакими ножами, кроме кухонных, но неожиданный подарок ей понравился, – удобные разношенные кроссовки, подходящие для быстрого бега, бутылка с водой, термос. Проездной. Наличные. Телефон.

Осталось дождаться десятого числа.

6

– …ветер, температура воздуха плюс десять – плюс двенадцать градусов, возможны осадки…

Анна выключила радио. Приятнее было сидеть в тишине, не отводя взгляда от своей улицы, густо заросшей деревьями. Липы, акации, бузина… Рябина перед их домом, которую посадила тетя Оля, вымахала из былинки с двумя сморщенными листочками в деревце с раскидистыми ветвями; прошлой зимой его облюбовали снегири.

Спустя год после того, как умер Анин отец, Ольга Степановна приехала в Москву по делам и оказалась в своем старом районе. Ветхую пятиэтажку, где они жили на одной площадке с Козловыми, собиралась обойти стороной, но в последний момент передумала. Как славно было здесь… Хоть и первый этаж, но тихо и зелено. И ребенок…

При мыслях об Ане у Мельниковой потекли слезы. Как и предсказывала родственница девочки, Анна не захотела с ней общаться. Ольга Степановна тогда не поверила милейшей женщине, решила – не может такого быть, чтобы Анна забыла про них. Но та ни разу не позвонила за первые три месяца после отъезда, а ее телефон стал недоступен. Ольга Степановна невероятно извилистыми путями, с помощью бывших учеников Константина Романовича отыскала номер самой Валерии, но из этого разговора не вышло ничего хорошего. Не беспокойтесь, приглушенно говорила тетя, Анюта под присмотром, у нее все в порядке, но разговаривать с ней не нужно, нет, не настаивайте, мне лучше знать, я ей родня, а вы – чужой человек…

На чужом человеке Ольга Степановна сдалась.

И вот она стояла перед старым домом. Из окна доносились отзвуки «Собачьего вальса». Мимо проковыляла старуха, прижимая к груди буханку.

– Кузя? – неуверенно позвала Ольга Степановна.

Та обернулась, прищурилась.

– Ольга, ты, что ли?

Расчувствовавшаяся Ольга Степановна крепко обняла старуху.

– Кости мне переломаешь, – проворчала Кузя, – и хлебушек помнешь. Чего не заявлялась-то?

– Сначала Константин Романович лежал в больнице, ему требовался уход. Ничего серьезного, но вы же знаете, как это бывает…

– А ты ржаную буханку порежь, подсуши в темном месте, а потом корки срежь и кипятком залей… – начала старуха, но махнула рукой. – Тьфу на вас! Вы таблетками будете травиться, лишь бы не утруждать себя. Посмотри на меня! Волосы свои, зубы свои. Фигура! Ни в чем себе не отказываю.

Ольга Степановна погладила ее по пятнистой руке.

– Так рада вас видеть, Кузя.

– Заезжала бы почаще. Как твой Костя? Поправился?

– Да, все в порядке. Преподает. Город красивый, люди хорошие. Мы купили дом, а не квартиру. Участок маловат, но… Вы не знаете, как дела у дочери покойного Сергея? – перебила она себя на полуслове.

Старуха пожевала губами и спокойно ответила:

– В Отрадном она, в детском доме. Не помню, кто мне рассказал, то ли Маня, то ли Верочка… Верочка, должно быть. Она учительствовала в их школе, а потом забеременела, хотя ей уже под сорок, не рожать пора, а внуков нянчить… Вот поди ж ты! Эдак и я могла б родить!

– Что? – переспросила Ольга Степановна. У нее подогнулись ноги.

– Мужичка бы найти, и – эх! – развеселилась Кузя.

– …как в детдоме? Что случилось?

– Чему удивляешься, не пойму. Кто без родителей, тех по приютам отправляют…

Ольга Степановна схватила старуху за плечо.

– Какой приют? Тетя оформила над ней опекунство!

– Не тряси ты меня! – рассердилась Кузя. – Что знала, то сказала. Я сама, между прочим, в детдоме четыре года провела, и прекрасное было время. Кормили нас от пуза, я потом в жизни такого омлета не едала. Повариха, дай бог ей здоровья, научила меня корки заваривать… Ты куда, милая моя?

Ольга Степановна почти бежала к остановке.

7

В конце улицы появился немолодой мужчина в кепке, прихрамывающий на правую ногу.

Вряд ли он несет конверт, подумала Анна, слишком уж заметный тип. Должен явиться хорек, быстрая кусачая тварь, которую сложно запомнить и еще сложнее выследить.

Хромой остановился возле рябины, словно хотел закурить. Но вместо этого, потоптавшись, свернул к дому, достал из кармана конверт, огляделся и сунул его в щель почтового ящика.

Девушка слетела с чердака быстрее, чем почтальон дошел до дороги. Как Анна ни торопилась, она все же успела бросить в рюкзак бутылку воды. Неизвестно, сколько времени займет путь и куда они направятся, а ей нельзя терять силы.

Хромота не мешала мужчине передвигаться довольно быстро. Девушка неотступно следовала за ним, держась на другой стороне улицы. Она ждала от него фокусов вроде остановки перед витриной, в которой отражается преследователь, или развязавшегося шнурка, – приемов, что показывают в

фильмах о шпионах, – но человек, принесший конверт, ни разу не обернулся. Они вышли к остановке. Вскоре автобус с табличкой «Ховрино» на лобовом стекле вез их в Москву.

Накрапывал дождик, и Анин капюшон, надвинутый на лоб, выглядел естественно. В метро его пришлось снять. На секунду, увидев толпу перед окошком в кассу, девушка испугалась, но ей вновь улыбнулась удача: хромой встал в хвост соседней очереди.

Анна отвыкла от метро. Сначала ей было тревожно. Но здесь на нее никто не смотрел, и она, успокоившись, притулилась напротив дверей, сунув руки в карманы. Таких, как она, – в спортивных штанах и не по размеру больших толстовках, в кроссовках на толстенной подошве – вокруг было много. Юноши, девушки… И у всех наушники.

Мужчина вышел на «Войковской». Дождался трамвая, и вскоре они ехали по незнакомому Анне району: хромой на средней площадке, Анна сзади, где толпились подростки.

Перестук колес, болтовня, музыка из чужих плееров…

На следующей остановке хромой сошел и пересек неухоженный сквер, заставленный огромными мусорными мешками, доверху набитыми листвой.

Во дворе детского дома, где поселили Аню, росли каштаны. Она собирала шкурки-ежики и гладкие орехи, выкладывала из них картины и разбрасывала перед тем, как вернуться в корпус.

С первого дня в детдоме она интуитивно поняла, что для спасения нужно выталкивать вперед придуманного человека, а настоящего скрыть так глубоко, чтобы вспоминать о нем как можно реже. Не знаешь – не выдашь. И она спрятала себя, как утаила свое настоящее имя. В ней не было ни обиды на судьбу, ни возмущения. Отъезд Ольги Степановны, смерть отца, потеря своего дома… Ее обжитый маленький континент развалился на куски и погрузился на дно.

Ни разу она не задумалась о том, чтобы попросить воспитателей отыскать Мельниковых. Закрывшаяся дверь гильотиной отсекла от нее прошлое, а вместе

с ним остались где-то вдалеке и Ольга Степановна, и канарейки, и стол, похожий на карту мира.

Да и мира больше не было. Ничего не было, кроме серого дома с каштанами.

До того дня, когда воспитательница позвала ее с прогулки.

– Нюта, пойдем со мной. К тебе приехали.

Серая мышь Нюта, молчаливая, нелюбопытная, направилась за женщиной. Ее привели в комнату, где незнакомая толстая баба стояла возле окна, спиной к Нюте. Журналистка, лениво подумала серая мышь, да пошла она, буду я им изображать дрессированную макаку перед камерой.

Услышав скрип двери, толстуха обернулась.

«Нафига вы меня сюда притащили», – хотела окрыситься Нюта.

Но из бесконечной глубины, из темноты и холода вырвалась и поплыла двенадцатилетняя Аня – к свету, к воздуху, к жизни, к берегу, с которого протягивала к ней руки заплаканная Ольга Степановна.

8

Хромой привел ее к двухэтажному желтому зданию за оградой. Веранды с надувными мячами, горки и лесенки… Анна стояла перед детским садом.

«Это какая-то глупость. Неужели он за ребенком?»

Но что-то в походке, в той уверенности, с какой мужчина зашел внутрь, подсказало ей, что он здесь по другой надобности.

Навстречу Ане шли родители с детьми. Она безошибочно выбрала из всех женщин одну – худощавую, лет тридцати, с тоненькой бледной девочкой, вцепившейся в руку матери.

– Простите, пожалуйста, – сказала Аня, сбросив капюшон. – Я пришла за братом, Ваней Диминым.

– Это мальчик не из нашей группы, – с извиняющейся улыбкой ответила женщина.

– Нет-нет, я знаю, где Ваня, – рассмеялась девушка. – Но я только что видела странного мужчину, вон там. Он не похож ни на чьего папу, и, честно говоря, я немного забеспокоилась… Понимаете, чужой человек в детском саду…

– Он хромает?

– Да.

– Тогда тревожиться не о чем. Это Григорий, сторож. Живет при садике бог знает сколько лет. Безобидный человек, и на все руки мастер. Он здесь и за электрика, и за рабочего.

– Я очень рада! – искренне отозвалась девушка, теперь знающая, с кем имеет дело. – А как зовут заведующую?

– Елена Юрьевна.

– Спасибо!

Анна помахала бледненькой девочке и спокойно, как своя, вошла в детский сад.

На первом этаже было тихо. На втором кого-то мелкого и упрямого в два голоса убеждали, что садик вот-вот закрывается. Мелкий и упрямый не верил.

Ряды шкафчиков с такими же, как в ее детстве, рисунками на дверцах, полутемный коридор и, наконец, кабинет с табличкой: «Заведующая. Матусевич Е.Ю.» В щель падал желтый свет, и, очень осторожно приоткрыв дверь, молясь, чтобы это списали на сквозняк, она расслышала конец разговора.

– …как всегда, Елена Юрьевна. Конвертик опустил, никого рядом не было. Перчатки натянул на всякий случай. Мало ли, вдруг отпечатки…

– Спасибо, Гриша!

– Было бы за что!

Тяжелые медлительные шаги. Устал хромоногий черт от поездки в Зеленоград, зло подумала девушка. Она едва успела втиснуться в узкий проем между шкафчиком и стеной, за распахнутой настежь дверцей.

Сторож вышел в раздевалку и остановился. Анна могла поклясться, что он принюхивается, и затаила дыхание. Ей не было страшно, она по-прежнему чувствовала себя преследователем, просто зверь оказался слишком близко.

Григорий ушел.

Увели и мальчика со второго этажа. В саду воцарилась тишина, всегда особенно глубокая после ухода детей.

Девушка вернулась к кабинету заведующей. Там находилась женщина, знающая ответы на те вопросы, что не давали Анне покоя много лет.

Приглушенно простучали каблуки, что-то протяжно скрипнуло. Второе помещение, догадалась девушка, может быть, туалет или просто смежные комнаты. Не задумываясь, она проскользнула в кабинет и осмотрелась.

В углу висело длинное синее пальто из кашемира. Внимание Анны привлекли белые тонкие иголочки на подоле. Она наклонилась. Это была шерсть и обрывки сухих травинок. Несколько секунд Анна смотрела на них не отрываясь, а затем бесшумно попятилась и вернулась в темноту коридора. Вскоре хлопнула дверь. Каблуки простучали совсем рядом. Полоса света исчезла, и до Анны, замершей в укрытии, долетело сладкое цветочное благоухание.

9

Елена Юрьевна оказалась высокой женщиной с осанкой балерины. Шла она неторопливо. Анна следовала за ней, внешне спокойная, внутренне сжатая как пружина. В таких пальто не ездят в общественном транспорте. Где-то

неподалеку у Матусевич наверняка припаркована машина. Стоило бы побеспокоиться, но девушку охватило необъяснимое чувство уверенности. Все шло правильно. Наконец кто-то там, наверху, вспомнил об Ане Козловой и решил бросить камешек на ее весы.

До высокой кирпичной многоэтажки они дошли за десять минут. Елена Юрьевна на ходу полезла в сумку за ключами.

Анна приготовилась.

Если ключи – значит, дома нет родственников.

Если белая жесткая шерсть – значит, дома ждет собака.

Когда женщина прижала ключ к металлическому кружку, Анна набросила капюшон, вытащила телефонную трубку и начала быстро говорить первое, что пришло на ум.

– …не знаю, он мне позвонил, а я ему говорю: мы с тобой договаривались на три, а не на пять, а теперь извини-подвинься…

Не переставая болтать, она подбежала к подъезду за женщиной и улыбкой поблагодарила за открытую дверь, одновременно приветственно кивнув.

– Здравствуйте, – рассеянно согласилась Елена Юрьевна.

Женщина осталась ждать лифта. Анна помчалась вверх по лестнице, прислушиваясь к его гудению.

Второй этаж. Третий. Четвертый. Пятый. На шестом двери открылись.

Лестничной площадкой выше девушка услышала, как звякнули ключи.

В дорогом кашемировом пальто не гуляют с белыми собаками. Пусть это будет не слишком крупный пес, подумала Анна, пусть болонка, а не алабай.

Она спустилась на шестой и встала так, чтобы ее нельзя было увидеть из глазка.

Вскоре замок щелкнул. Дверь приоткрылась, и наружу вылетел низенький белый терьер, похожий на новенькую швабру.

Анна кинулась на выходящую следом женщину, втолкнула ее в квартиру и захлопнула дверь. Елена Юрьевна закричала. Снаружи надрывался пес, гулкий лай разносился по этажам.

Не раздумывая, девушка ударила локтем в настенное зеркало. Со звоном посыпались осколки и захрустели под ногами. Она подняла один, похожий на расплющенную сосульку, и на мгновение увидела в нем свое отражение – огромные страшные глаза, закушенная до крови губа.

Елена Юрьевна пыталась встать с пола. Анна толкнула ее, села сверху. Осколок прижала к сонной артерии.

– Деньги в сейфе! – лепетала женщина. – Я скажу код, все скажу, у меня есть рецепты, я знаю, у кого попросить…

Лучше бы тебе и впрямь попалась наркоманка, подумала девушка.

– Где дядя Костя? – раздельно спросила она. – Константин Мельников! Где он?

Женщина так сильно изменилась в лице, что у Анны не осталось иллюзий. Она вдавила острие в кожу.

– Рассказывай!

Полтора часа спустя пес по кличке Фредди, задремавший на коврике, услышал, как проворачивается дверная защелка. Он лениво взмахнул хвостом.

– Ступай домой, малыш, – разрешила девушка.

Она сунула в карман фотографию Никиты Сафонова и побежала вниз по лестнице.

Глава 5

1

Вторым в списке Илюшина был Борис Лобан.

Родители Лобана жили в подмосковном Серпухове. Дверь Макару открыл неопрятного вида пожилой мужчина в семейных трусах и грязно-белой майке.

– Иван Сергеевич? Я вам звонил…

– С ней вон разговаривай, – на полуслове перебил его хозяин.

К Илюшину вышла краснолицая женщина лет пятидесяти в халате, неся под мышкой йоркширского терьера с бантом. «Какая-то пародия на гламур, ей-богу», – успел подумать Макар.

– На кухню пойдем, – без выражения приказала женщина и ушла, не дожидаясь его ответа.

В воздухе стояла сигаретная вонь. Нет, сам воздух был удушливой застарелой вонью. На плите в сковородке что-то шкворчало, сквозь грязное стекло духовки смутно угадывался противень с пирогами, но ароматов еды Илюшин, как ни старался, ощутить не мог. Он посочувствовал судьбе терьера.

Хозяйка опустила собачку на пол, обернулась к Макару и сощурилась.

– Ты, значит, хочешь писать про Бориса…

– Я собираюсь создать альбом обо всех студентах нашего курса, – вежливо ответил Илюшин.

– Чего стоишь! – Она ногой придвинула ему табуретку и запахнула халат. – О Борисе, значитца… Хороший он был парень. Сам себе дорогу пробивал, своим умом. Все его любили. У него и невеста была в деревне, они росли вместе, в соседних дворах… – Женщина вытерла сухие глаза и без перехода спросила: – Сколько платишь-то?

– Плачу за что?

– За Борьку.

Илюшин поднял брови.

– Даром такие вещи не делаются, – веско сказала женщина. – Я не дура – задарма тебе языком чесать. У меня бы сейчас уже внуки бегали! А вместо этого что? Сижу вон, обихаживаю этого козла… – Она ткнула куда-то за спину Илюшину. – Меня судьба обидела! Если ты хочешь писать про моего сына, я тебе ни слова бесплатно не скажу. У вас там в Москве привыкли все на халяву получать… Нетушки. Обойдешься.

Макар смотрел на мать Бориса Лобана и чувствовал не отвращение, а жалость.

– Сколько вы хотели бы получить, Вера?

Бабкину не стану рассказывать, что заплатил ей, подумал он. Сергей вытряс бы из этой жадной глупой бабы все подробности. А я стал какой-то слабак. Может, кризис среднего возраста, или просто мне терьера этого жалко с его дурацким бантом, лежит ведь под столом, нюхает этот дрянной воздух… Хоть бы форточку она открыла, что ли.

У Веры Лобан загорелись глаза.

– Сорок тысяч, – выпалила она.

Макар засмеялся.

– Тридцать, – сбавила Вера. – Ты моего Борю не знал! Такой был парень… умный, красивый, все бабы его привечали, он, если б захотел, на любой мог жениться!

– Я с вашим Борей учился на одном курсе, – напомнил Макар.

– …ему эти ваши студентики в подметки не годились! – гнула она свое. – Он хотел в судьи пойти. Всех бы обошел! Мне каждый день говорил: спасибо, мамочка, что делаешь из меня человека. Не врал, не воровал, никаких грехов на нем не было!

Она набивала цену своему покойному сыну, как мясник – бараньей туше. Илюшин слушал, и его сентиментальный порыв таял с каждой секундой.

– Враги у него были?

– Только эти, бывшие приятели его… туфта, а не приятели!

– Почему туфта?

– Завидовали! Вначале терлись возле Бори, каждый хотел к нему подлизаться, а потом как стало ясно, что Боря сам по себе, птица гордая, так они и слиняли. Когда им было нужно, Борька помогал. А как у Бори проблемы, так никто руки не протянет.

– Разве у него были проблемы? – удивился Илюшин.

– С учебой не особо выходило, – неохотно сказала женщина. – У вас ведь в Москве как – все взяток хотят. Карманы оттопырят и ждут, пока им кое-что упадет. – Она демонстративно послюнявила пальцы. – А Боря хотел честно учиться, своими силами пробиваться. Вот его и валили. Так-то он самый умный был из всех. Может, и во всем институте. Я тебе это записывать не разрешаю, понял? У меня права есть!

– А на каком курсе друзья слиняли? – уточнил Макар.

– Откуда мне знать… На третьем вроде. Или на четвертом. Какая разница! Бывший друг – это враг, ясно тебе? Бесплатно делюсь, цени!

– Я очень ценю! – заверил Илюшин.

– Больше ничего не скажу. Плати! Можешь на карту перевести, она к телефону привязана, тебе удобно будет. Записывай! Чего стоишь-то! – рассердилась она. – У вас таких парней еще сто лет не будет! Вы все бестолочи, шнурки на кроссовках завязать не можете. Борька и отцу помогал в огороде, и плавал, и бегал, и на турнике подтягивался…

– Почему же он утонул? – удивился Макар.

Женщина осеклась.

– Сглазили его, – нехотя сказала она. – Ходили цыгане и сглазили. Боря всю жизнь купался на карьере…

– Где?

– Протвинский карьер, от нас недалеко. Там мелко, утонуть-то негде. Ночью его туда понесло. Идиот упрямый! Придурок, весь в отца. Эй, эй! – Она привстала. – Ты куда намылился?

– Всего хорошего, – пожелал Макар.

– А деньги? Ты ж обещал! Стой, сволочь! Стой!

2

Обратно в Москву Илюшин доехал быстрее, чем ожидал. «Еще успею зайти к родне Сенцовой». Ему хотелось перебить ощущение от разговора с матерью Лобана.

Тихий старый район. Простыни сушились на веревках, из открытой форточки доносился скрипичный этюд. На скамейке у подъезда грелась черная кошка, безбоязненно потянувшаяся к Макару. Илюшин почесал ее за ухом и поднялся на второй этаж.

«Сенцовой – звонить один раз.

Курейко – звонить два раза».

Бабушка Любы Сенцовой, худая седая старуха на голову выше его, провела Макара в комнату, где на стенах висели морские пейзажи.

– Это писала я, – с грустной улыбкой пояснила она. – И Любу учила, у нее были способности к рисованию. Мы с ней ездили в Крым… Это Симеиз, да-да, картина, на которую вы смотрите. Присаживайтесь. Две минутки, с вашего позволения… Вы не торопитесь?

Она вышла и вскоре вернулась с заварочным чайником. Старую треснутую чашку поставила себе, новую, явно купленную для гостей, – Макару.

– Мы много ездили с Любой, когда она была маленькой. Мой сын, Любин папа, умер очень рано, и ее мама оставила Любу мне.

– Где она сейчас? – спросил Макар.

– Не знаю. Уехала сразу после похорон, и больше мы ее не видели. Так что свободолюбие у моей внучки в крови. – Она грустно улыбнулась. – Любу нельзя было принудить к тому, чего она не желала. Только убедить! – Старуха подняла палец. – И мне пришлось договариваться, представьте себе, много лет подряд решать все дипломатическими путями. У этой девочки имелось свое мнение по каждому вопросу.

Макар никак не мог связать между собой безбровую девицу с этой интеллигентной старой женщиной, с картинами, с чайником в прозрачных голубых незабудках, с густо цветущими фиалками на подоконнике, – со всем, что он видел вокруг.

– Примите мои соболезнования, Ольга Викторовна. Смерть Любы стала неожиданностью для всех нас…

– О, что вы! Я не сомневалась, что все закончится именно так.

Илюшин уставился на старуху.

– Поймите, единственное, что ей нравилось в жизни по-настоящему, – это рисковать. Если Любе удавалось забраться на крышу, она ходила по самому краю. Как только замерзало озеро, она испытывала лед на прочность не у берега, а на глубине. Я пыталась, руководствуясь максимой «Если не можешь победить, возглавь», направить этот поток в осмысленное русло. Скалолазание, водное поло, бокс, наконец… Все оказалось бесполезно. Ей требовался адреналин в его естественных, так сказать, формах, а не выданный по заказу.

Она усмехнулась, заметив выражение его лица.

– Я уже в том возрасте, юноша, когда о смерти нужно либо говорить спокойно, либо вовсе молчать. В другое время, в другом месте она стала бы героем. Для таких натур требуется война, катаклизмы, слом мироустройства… Вот тогда они проявляют себя так, как задумано природой. Минуточку, кажется, кто-то стучится…

Героем бы стала, значит, думал Макар, дожидаясь возвращения хозяйки. Пятнадцать ножевых… а, впрочем, одно другого не исключает. Поставь какого-нибудь героя в ситуацию, где не дают возможности проявить распирающий его героизм, – может, и схватится за нож от избытка пассионарности.

В коридоре послышалось шарканье.

– Соседка со своими глупостями.

Но ведь она умна, думал Макар, пристально глядя на старуху, умна и знает человеческую натуру, – откуда же эта романтизация образа внучки? Бабкин твердит, что девчонка замешана минимум в одном убийстве, а ему веры больше, чем песням о натуре, не приспособленной к мирной жизни.

– Ольга Викторовна, вы сказали, Любин папа рано умер…

– Нелепейшая смерть. – Углы ее рта скорбно опустились. – И жизнь нелепейшая, а ведь столько таланта отпустил Господь, столько внутренней силы! Но – зависимость, от которой я пыталась избавить его много лет и которая в конце концов его и погубила. Я надеялась, его жена сможет что-то изменить… Так утопающий хватается за соломинку.

– Алкоголь?

– С этой напастью еще можно было бы побороться. С наркотиками бороться бессмысленно. Никого нельзя ни осчастливить принудительно, ни спасти. Я понимаю это умом, но не сердцем. Столько лет прошло со дня его смерти, а от чувства вины мне не избавиться ни на день. Боже мой, я скатилась к исповеди! – Она поднялась, сокрушенно всплеснула руками. – Простите, милый мой! Могу я исправить положение, если угощу вас хорошим шоколадом?

«Я и забыл, что существует два вида слепцов: «человек любящий» и «человек виноватый», – думал Илюшин, глядя вслед старухе. – Должно быть, девочка была очень похожа на отца. Ребенок растет, и бабушка испытывает вину уже перед ним – потому что тот же высокий лоб, и близко посаженные глаза, и ротик складывается в такую же гримаску, и все повторяется заново».

Когда Ольга Викторовна вернулась, Макар расспросил ее о студенческих друзьях внучки и услышал то, что ожидал услышать. Была теплая компания, – Люба и несколько юношей («детка с двух лет предпочитала играть с мальчишками»), – а потом отчего-то все перестали поддерживать отношения. Ссора? Нет, она не думает, что ребята ссорились. Просто так получилось само собой.

Илюшин был уверен, что никакого «само собой» со студенческой компанией не бывает. Они могли разбежаться после окончания учебы, но не на третьем курсе.

– Как вы думаете, ее убийцей мог быть кто-то из знакомых? – спросил Макар.

– Никогда, – твердо ответила старуха. – Люба не крутила романов, никому не переходила дорогу. В сущности, она была исключительно безобидным человеком. Ей встретился случайный мерзавец. Он не просто зарезал ее, но и изуродовал лицо до неузнаваемости. Должно быть, моя девочка задирала его. Мне хочется думать, что со свойственным ей бесстрашием Люба пыталась предотвратить какое-то преступление… Если это и удалось, то ценой ее жизни.

Макар поставил чашку на стол.

– Преступника тогда не нашли. Вы хотели бы знать, кто он, Ольга Викторовна?

Старуха решительно качнула головой:

– Какая разница! Это зло, зло в чистом виде. Не имеет ни малейшего значения, чье именно обличье оно приняло.

3

Пока Макар занимался родственниками погибших, Бабкин взялся за однокурсников.

«Группы Вконтакте мне в помощь».

На его просьбу откликнулись девушка и парень.

Сергей видел в соцсетях их студенческие фотографии и при встрече с изумлением осознал, что эти двое ни капли не изменились с тех пор. Он вспомнил собственный выпуск. Ни у кого не повернулся бы язык назвать его бывших сокурсников пареньками. А в кафе перед ним сидел именно паренек – в деловом костюме и с синими дредами.

– Сенцова была крутая, – рассказывал парень, качая ногой. – Я с ней в тесный контакт не входил, так, шапочное знакомство. Они тусили с Матусевичем… «Тусили с Матусевичем», – повторил он с нескрываемым удовольствием и засмеялся. – Аллитерация, круто. Он – душа нараспашку. Звезда. Обаяние – восьмидесятый левел. Если начистоту, материальный статус тоже способствовал. Я слышал, Артему отец ни в чем не отказывает. У него тачки менялись раз в год, и не на «Ладе Калине» он рассекал. Его мать организовала частный детский сад и сама там работала. Я племяшку хотел туда пристроить по просьбе сестры. Но не вышло: по деньгам не потянули. А, чуть не забыл: предки у Матусевича были в разводе. При Артеме и Любе терся Эмиль Осин, тихоня, но перспективный. Дико обидно, что они, ну, это… умерли. Интересно было бы посмотреть, что из них выйдет со временем. Эксперимент! Было – стало.

«Даешь практичный подход», – про себя усмехнулся Бабкин.

– Хотя по-человечески тоже жаль, – исправился парень.

– А Никиту Сафонова помнишь?

– Конечно! Норм чувак. Вроде скромный, на первый взгляд скучноватый даже, но когда я с ним ближе познакомился, понял, что он занятный. Мы с ним вместе ходили на семинары по гражданскому праву. Некоторые люди похожи на мотыльков. По сравнению с бабочками вроде тусклые, невзрачные, а потом приглядишься – мать моя! Там одного только бежевого – миллион оттенков, разглядывать и разглядывать. Он все время искал подработку, потому что семья небогатая. На четвертом курсе Никита взял академ. Может, понял, что экзамены завалит и вовремя подсуетился. Я не спрашивал.

– А Борис Лобан?

– Лобан, Лобан… – Он нахмурился. – Нет, не помню такого. Он не играл в «Диком Шекспире».

– Где?

– Я тебе не сказал? Эмиль, Люба и Артем ставили спектакли. Я, кстати, все посмотрел. Вроде фигня, но что-то в этом было. Жаль, что театр распался в декабре.

– Причину не знаешь?

– Нет. Никто не знает. Вроде бы они и не ссорились, но все заглохло. Потом возник новый, с другой труппой, но это было уже не то. Кураж пропал, то ли у меня, то ли у них. Ты пойми: Осин, Сенцова и Матусевич – те люди, которых всегда будут вспоминать первыми, если речь зайдет о нашем потоке. Рядом с ними все казались блеклыми. Это в лучшем случае! Вот ты на мои дреды пялишься – не, не надо, я же вижу, что пялишься. А я знаешь почему в синий покрасился? Хотел быть тупо ярче. Вот прям тупо! Потому что Матусевич был в моей группе и я чувствовал себя пустым местом.

– До сих пор чувствуешь?

– Не! – Парень от души рассмеялся. – Жене моей нравится. Она на меня обратила внимание из-за дредов, а теперь не разрешает вернуться к нормальной

прическе, говорит: разлюблю. Пришлось договариваться с начальником. Ничего, вроде быстро привыкли. Видишь? Я даже женой своей обязан Матусевичу. Клевый был чувак, светлая ему память.

4

– Она типа Кары Делевинь, такая страшненькая, что даже офигенная, – говорила девушка, успевая что-то быстро набирать на телефоне. Поймав взгляд Бабкина, она без смущения объяснила:

– С ребенком переписываюсь. Это у меня уже на автомате, не обращай внимания.

– А сколько лет ребенку?

– Четыре. Я с ней не общалась – это про Сенцову. Она такая вся была в себе. Может, высокомерная, а может, наоборот, слишком стеснительная. Осин был в нее влюблен по уши, хотя на него столько девчонок заглядывалось… Он на Джуда Лоу похож. Или нет! На Элайджу Вуда! Это Фродо из «Властелина колец». – Бабкин поднял брови, вспомнив актера, и девушка пожала плечами. – Глаза такие же.

– А Матусевича помнишь?

– Артемка! – Она расплылась в улыбке. – Его все помнят. Умница, красавец. Фигура – закачаешься! Несправедливо, что такие люди уходят раньше всех. Он бы сделал выдающуюся карьеру, я уверена. Актер, конечно, куда без актерства… Но это ему шло. Ездил на хорошей машине. Я запомнила один случай. На втором курсе забеременела одна из девочек, и Матусевич стал регулярно подвозить ее из института домой. Просто так, без выпендрежа и тому подобного. В этом он весь. Девушки у него были, но не с нашего потока, это точно. Можешь посмотреть у меня в Инстаграме старые фотки, я недавно оцифровала и выложила. Матусевич там тоже есть.

Бабкин едва успевал записывать.

– Расскажи про Эмиля.

– Голубоглазый интеллектуал. Вещь в себе. Такой умный, что даже страшно.

– А Лобан?

– Борька? – Девушка пренебрежительно пожала плечами. – Даже не знаю, что о нем сказать. Хамоватый он был, грубый. Артем везде таскал его с собой. Еще с ними тусил Сафонов, милый стеснительный мальчик. Вечно краснел, когда я на него смотрела. Интересно, где он сейчас… В соцсетях его точно нет, я проверяла.

«Мне тоже очень хотелось бы знать, где он сейчас», – подумал Бабкин.

5

Его третий респондент отличался от первых двух. Олег Игнатов и выглядел взрослее, и карьера его была тесно связана с институтом. Он остался в аспирантуре и успел защитить кандидатскую.

Телефон, указанный на сайте, не отвечал. Сергей нашел Игнатова в Фейсбуке и отправил сообщение.

Мессенджер пискнул почти сразу.

«Да будут благословенны социальные сети!» – в который раз подумал Бабкин.

Два часа спустя он входил в здание института.

– Ты Сергей? – Невысокий бородач в свитере под горло пожал ему руку.

– Рад познакомиться!

Бабкин покосился на охранника, не спускающего с него глаз.

– Ты не похож ни на студента, ни на преподавателя, – ухмыльнулся Игнатов. – Чем вызываешь обоснованные подозрения. Пойдем в буфет, там сейчас народу

немного.

Они взяли кофе, уселись за круглый столик возле окна. Обстановка больше напоминала хорошее кафе, чем студенческую столовку.

– Славно тут у вас. – Бабкин обвел взглядом светлое помещение с высокими окнами. – Спасибо, что согласился встретиться.

– Да мне и самому интересно, – признался Игнатов. – Этих ребят я хорошо помню. Тебя наняли родственники?

– Что-то в этом роде.

– Думаешь, их прикончили?

Сергей едва не поперхнулся кофе. Он не собирался раньше времени думать о причинах смерти всех четверых, и его поразил легкомысленный азарт, с которым Игнатов выдвинул свое предположение.

– Ты, похоже, не слишком-то их любил!

– Их никто не любил, – махнул рукой бородач. – Самым приличным из них был Сафонов, а остальные…

– Подожди-подожди! Как это не любил? Я уже дважды сегодня услышал, что Артем Матусевич был звезда и душа компании.

– Матусевич был нарцисс, – отчеканил Игнатов. – Цитируя Стругацких, «что это за компания, у которой такая душа»?

– Любопытно. – Бабкин, задумавшись, повторил любимое слово Илюшина. – Правда, насчет «никто не любил» ты все-таки погорячился.

– Погорячился, – согласился Игнатов. – Но давай отличать «звезду» от человека с хорошими навыками самопрезентации. Матусевич – из вторых. У него завались природного обаяния, глупо отрицать. Но его приятели…

Он замялся.

– Нет уж, давай, руби правду-матку. – Бабкин всыпал в кофе четыре ложки сахара. – Что с приятелями? Кстати, кто входил в ближний круг? Я толком не разобрался.

– А черт их знает! Матусевич разводил вокруг этого идиотскую таинственность. Я точно знаю, что Лобана и Сенцову он выделял из всех остальных. Хочешь понять, кто такой Матусевич? Посмотри на этих двоих. Сенцова психованная. Борис – выродок.

– Ого!

Игнатов протестующе вскинул руки:

– Слушай, я не собираюсь лицемерить только потому, что эти двое уже на том свете. У Лобана на лице все было написано. Люба хотя бы притягательная, для тех, кто любит типаж черной вдовы. Вся из себя такой гот-гот… но дело, конечно, не в шмотках. У нее харизмы было выше крыши, как и у Матусевича, в этом они похожи. А Лобан просто тупая злобная свинья. Он поступил по блату, его папаша был какой-то важной шишкой в городской администрации, а потом проворовался и сел. Но Боренька к этому времени уже был пристроен в институт и как-то ухитрялся учиться, хотя мозгов у него не больше, чем у булыжника. Письменные работы он списывал у Матусевича. Как ему удавалось сдавать устные, для меня загадка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elena-mihalkova/chelovek-iz-doma-naprotiv

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить